

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ**

ФІЛОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

КВАЛІФІКАЦІЙНА РОБОТА МАГІСТРА

**БІБЛІЙНІ МОТИВИ Й ОБРАЗИ В РОМАНАХ
М. ЛЕСКОВА «НІКУДИ», «НА НОЖАХ**

**(БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В РОМАНАХ Н. ЛЕСКОВА
«НЕКУДА», «НА НОЖАХ»)**

Виконала: студентка 2 курсу, гр. 8.0358 р/
спеціальності 035 “Філологія”,
освітньої програми “Російська мова і зарубіжна
література. Друга мова”,
спеціалізації 035.03 “Слов’янські мови та літератури
(переклад включно). Перша – російська”
А.Д. Климашевська

Керівник _____ д.філол.н., проф. В.Л. Погребна

Рецензент _____ к.філол.н., доц. О.Ю. Пода

ЗАПОРІЖЖЯ
2020

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

Факультет *філологічний*
Кафедра *слов'янської філології*
Рівень вищої освіти *магістр*
Спеціальність *035 “Філологія”*
Освітня програма *“ Російська мова і зарубіжна література. Друга мова”*
Спеціалізація *035.03 “Слов'янські мови та літератури (переклад включно).
Перша – російська”*

ЗАТВЕРДЖУЮ
Завідувач кафедри
Павленко І.Я.

“ ___ ” _____ 20__ року

З А В Д А Н Н Я
НА КВАЛІФІКАЦІЙНУ РОБОТУ МАГІСТРА

Климашевській Аліні Денисівні

1. Тема роботи: *Біблійні мотиви і образи в романах М. Лєскова «Нікуди», «На ножжах»,*

керівник роботи – проф. Погребна В.Л.

затверджені наказом ЗНУ від “25” травня 2019 року № 781-с

2. Строк подання студентом роботи – 30.12.2019

3. Вихідні дані до роботи: *монографії и статьи, посвященные анализируемой проблеме.*

4. Зміст розрахунково-пояснювальної записки:

1. Христианство – концептуальная основа для антинигилистического романа.

2. Евангельский фон (смысловой и стилистический) в романах Н.С. Лескова «На ножжах», «Некуда».

2.1. Тема борьбы добра и зла, света и тьмы, небесного и земного сквозь призму библейских образов и сюжетов.

2.2. Связь системы персонажей романов «Некуда» и «На ножжах» с христианской антропологией.

3. Тема бесовства и знаки нечистой силы в романах «Некуда», «На ножжах».

3.1. Мотивы бесовства, сумасшествия, безумия, игры, маскарада, приём маски.

3.2. Демоническое начало в образах нигилистов в романах «Некуда», «На ножжах».

5. Перелік графічного матеріалу : _____

6. Консультанти розділів роботи

Розділ	Прізвище, ініціали та посада Консультанта	Підпис, дата	
		завдання видав	завдання прийняв
1	<i>Погребна В.Л., професор</i>		
2	<i>Погребна В.Л., професор</i>		
3	<i>Погребна В.Л., професор</i>		
<i>Вступ, висновки</i>	<i>Погребна В.Л., професор</i>		

7. Дата видачі завдання *12.10.2018 р.*

КАЛЕНДАРНИЙ ПЛАН

№ з/п	Назва етапів написання кваліфікаційної роботи	Строк виконання етапів роботи	Примітка
1	<i>Збір та систематизація матеріалу</i>	<i>Жовтень 2018 р.</i>	
2	<i>Аналіз науково-критичної літератури з обраної проблеми</i>	<i>Грудень 2018 р.</i>	
3	<i>Вступ</i>	<i>Січень 2019 р.</i>	
4	<i>Розділ 1. Християнство – концептуальна основа для антинигилистического романа</i>	<i>Лютий – березень 2019 р.</i>	
5	<i>Розділ 2. Евангельський фон (смысловий и стилістический) в романах Н.С. Лескова «На ножах», «Некуда»</i>	<i>Березень – вересень 2019 р.</i>	
6	<i>Розділ 3. Тема бесовства и знаки нечистой силы в романах «Некуда», «На ножах»</i>	<i>Жовтень 2019 р.</i>	
7	<i>Висновки</i>	<i>Листопад 2019 р.</i>	
8	<i>Оформлення роботи</i>	<i>Грудень 2019 р.</i>	
9	<i>Захист роботи</i>	<i>Січень 2020 р.</i>	

Студентка _____
(підпис) (прізвище та ініціали)

Керівник роботи _____
(підпис) (прізвище та ініціали)

Нормоконтроль пройдено.

Нормоконтролер _____
(підпис) (прізвище та ініціали)

РЕФЕРАТ

Текст квалификационной работы магистра 71 страница, 64 источника.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: особенности функционирования библейских мотивов и образов в романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах».

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: названные выше романы Н.С. Лескова, литературоведческие работы, посвящённые его творчеству.

ЦЕЛЬ РАБОТЫ: изучение особенностей функционирования библейских мотивов и образов в романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах».

В ходе исследования предполагается решить следующие

ЗАДАЧИ:

- рассмотреть специфику антинигилистического романа второй половины 1860-х – первой половины 1870-х годов в контексте философско-религиозной полемики, доказать, что христианство является концептуальной основой этой жанровой разновидности;

- определить, как в романах Н.С. Лескова «Некуда», «На ножах» реализуется тема борьбы добра и зла, света и тьмы, небесного и земного сквозь призму библейских образов и сюжетов;

- проследить связь системы персонажей романов «Некуда» и «На ножах» с христианской антропологией;

- рассмотреть приёмы «антиидеализации» в изображении нигилистов (мотивы бесовства, сумасшествия, безумия, игры, маскарада, приём маски);

- выявить своеобразие демонического начала в образах нигилистов в романах «Некуда», «На ножах».

АКТУАЛЬНОСТЬ работы состоит в рассмотрении малоизученной темы.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА работы состоит в обобщении и систематизации имеющегося опыта по обозначенной проблеме, определении приёмов авторской идеализации и «антиидеализации» в романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах», выявлении роли и особенностей функционирования библейских мотивов и образов в этих романах.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ – описательный, сопоставительный, биографический методы при общем системном подходе.

ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ: школьное и вузовское преподавание литературы.

СТРУКТУРА РАБОТЫ: квалификационная работа магистра состоит из введения, трех разделов с подразделами, выводов и списка использованной литературы.

БИБЛИЯ, ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ФОН, ХРИСТИАНСКИЕ ОБРАЗЫ И
МОТИВЫ, НИГИЛИЗМ, АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН, ПРИЁМ
МАСКИ, ПОРТРЕТ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ

ABSTRACT

The text of the master's work consists of 71 pages, 64 sources.

SUBJECT OF THE RESEARCH: features of the functioning of biblical motifs and images in the novels of N.S. Leskov «Nowhere» and «On the Knives».

THE OBJECT OF THE RESEARCH: the novels named before of N.S. Leskov, literary works devoted to his creation.

THE PURPOSE is to study the specifics of the functioning of biblical motifs and images in the novels of N.S. Leskov «Nowhere» and «On the Knives».

In the course of the study, the following **TASKS** are supposed to be solved:

- to consider the specifics of the anti-nihilistic novel of the second half of the 1860s – the first half of the 1870s in the context of philosophical and religious polemics, to prove that Christianity is the conceptual basis of this genre variety;

- to determine how in the novels of N.S. Leskov «Nowhere», «On the Knives» realizes the theme of the struggle between good and evil, light and darkness, heaven and earth through the prism of biblical images and plots;

- to trace the connection of the character system of the novels «Nowhere» and «On the Knives» with Christian anthropology;

- to consider the methods of «anti-idealization» in the image of nihilists (motives of demonism, madness, insanity, games, masquerade, mask reception);

- to reveal the originality of the demonic principle in the images of nihilists in the novels «Nowhere», «On the Knives».

The **RELEVANCE** of the work is to consider a little-studied topic.

METHODS OF RESEARCH: descriptive and system analysis.

THE SCIENTIFIC NOVELTY of the work consists in summarizing and systematizing the available experience on the identified problem, determining the methods of author's idealization and «anti-idealization» in the novels of N.S. Leskov's «Nowhere» and «On the Knives», revealing the role and features of the functioning of biblical motifs and images in these novels.

RESEARCH METHODS – descriptive, comparative, biographical methods with a general systematic approach.

SCOPE – materials of the research can be used in school and university teaching of literature.

STRUCTURE OF WORK: Master's qualification work consists of an introduction, three sections with subsections, conclusions and a list of used literature.

**BIBLE, GOSPEL BACKGROUND, CHRISTIAN IMAGES AND MOTIVES, NIGILISM, ANTI-ANGILISTIC NOVEL, MASK RECEPTION, PORTRAIT, ART
DETAIL**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
РАЗДЕЛ 1. ХРИСТИАНСТВО – КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА.....	10
РАЗДЕЛ 2. ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ФОН (СМЫСЛОВОЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ) В РОМАНАХ Н.С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ», «НЕКУДА».....	24
2.1. Тема борьбы добра и зла, света и тьмы, небесного и земного сквозь призму библейских образов и сюжетов.....	24
2.2. Связь системы персонажей романов «Некуда» и «На ножах» с христианской антропологией.....	37
РАЗДЕЛ 3. ТЕМА БЕСОВСТВА И ЗНАКИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ В РОМАНАХ «НЕКУДА», «НА НОЖАХ».....	51
3.1. Мотивы бесовства, сумасшествия, безумия, игры, маскарада, приём маски.....	51
3.2. Демоническое начало в образах нигилистов в романах «Некуда», «На ножах».....	57
ВЫВОДЫ.....	68
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Нравственно-религиозное по своему характеру русское искусство XIX века, решая художественные задачи, использует особый язык символов, выработанных в течение тысячелетнего развития христианства на Руси, язык, вошедший в обиход широчайших масс. Даже атеистическое сознание впитало образную культуру христианства, активно обращаясь к вечным темам и сюжетам. Язык символов наполняется реальностью нового времени, за которой он не всегда различим. Но без проникновения в содержание христианских символов трудно осмыслить глубину идейно-эстетических исканий русских классиков. Убеждает в этом и опыт «антинигилистического» романа позапрошлого века, в частности, романов Н.С. Лескова «Некуда» (1864), «На ножах» (1870-1871).

В большинстве исследований, посвящённых творчеству Н.С. Лескова, романы «Некуда» «На ножах» или вовсе не упоминаются, или рассматриваются эпизодически. Антинигилизм до сих пор не изучен так обстоятельно, как нигилизм (проблемам нигилизма посвящены работы Д.Н. Овсяннико-Куликовского [25], В.Г. Авсеенко [1], А. Незлобина [23], А.И. Новикова [24] и др.).

Многие антинигилистические романы второй половины XIX века были переизданы лишь в конце XX века, они только в последнее время стали предметом пристального внимания литературоведов (работы Н.Н. Старыгиной [41 – 49], А.А. Кондюриной [13], Р.Н. Поддубной [30], Ю.М. Проскуриной [31 – 33], Л.В. Чередниченко [62], М.А. Шинкова [63], О.В. Каданер [11]).

Интересные выводы о библейской символике романа «На ножах» сделаны в работе Н.Н. Старыгиной и М.И. Шенцевой «Идеальное и идеализация в романе Н.С. Лескова «На ножах» [49], где определяется связь образов лесковских героинь с христианской традицией. Отдельные размышления о библейских мотивах в романах Н.С. Лескова содержатся в статьях В. Терёхина [55], В.Л. Погребной [29], С. Дмитренко [9],

А.А. Малиновского [21], Т. Окуловой-Микешинной [26], Е.В. Цветковой [61], в целом же эта проблема является малоизученной, что и определяет актуальность нашей работы.

Предмет исследования: особенности функционирования библейских мотивов и образов в романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах».

Объектом исследования: названные выше романы Н.С. Лескова, литературоведческие работы, посвящённые его творчеству.

Цель исследования: заключается в изучении особенностей функционирования библейских мотивов и образов в романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах».

Реализация цели исследования потребовала постановки следующих **задач:**

- рассмотреть специфику антинигилистического романа второй половины 1860-х – первой половины 1870-х годов в контексте философско-религиозной полемики, доказать, что христианство является концептуальной основой этой жанровой разновидности;
- определить, как в романах Н.С. Лескова «Некуда», «На ножах» реализуется тема борьбы добра и зла, света и тьмы, небесного и земного сквозь призму библейских образов и сюжетов;
- проследить связь системы персонажей романов «Некуда» и «На ножах» с христианской антропологией;
- рассмотреть приёмы «антиидеализации» в изображении нигилистов (мотивы бесовства, сумасшествия, безумия, игры, маскарада, приём маски);
- выявить своеобразие демонического начала в образах нигилистов в романах «Некуда», «На ножах».

Методы исследования: описательный, сопоставительный, биографический методы при общем системном подходе.

Научная новизна работы состоит в обобщении и систематизации имеющегося опыта по обозначенной проблеме, определении приёмов авторской идеализации и «антиидеализации» в романах Н.С. Лескова «Некуда»

и «На ножах», выявлении роли и особенностей функционирования библейских мотивов и образов в этих романах.

В соответствии с целью и задачами исследования определяется и его **структура**. Работа состоит из введения, трёх разделов, заключения, списка использованной литературы. Введение содержит мотивацию темы, краткий обзор литературоведческих работ, цель и задачи исследования, определение научной новизны, аннотацию структурных компонентов работы.

Первый раздел – «Христианство – концептуальная основа антинигилистического романа». В нем доказывается, что христианское миропонимание определяет своеобразие эпичности повествования в антинигилистических романах. Концептуальными в этом отношении являются идея равенства всех перед Богом и представление о многомерности человека, вера в возможность спасения.

Второй раздел («Евангельский фон (смысловой и стилистический) в романе Н.С. Лескова «На ножах») состоит из двух подразделов. В первом из них определяется, как в романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах» реализуется тема борьбы добра и зла, света и тьмы, небесного и земного сквозь призму библейских образов и сюжетов. Во втором подразделе этого раздела рассматривается связь системы персонажей романов «Некуда» и «На ножах» с христианской антропологией.

Третий раздел («Тема бесовства и знаки нечистой силы в романах «Некуда», «На ножах») состоит из двух подразделов. В первом из них рассматриваются мотивы бесовства, сумасшествия, безумия, игры, маскарада, приём маски, используемые писателем для создания образов нигилистов. Во втором подразделе выявляется своеобразие демонического начала в образах нигилистов в романах «Некуда», «На ножах».

После третьего раздела следуют выводы, где подводятся итоги исследования.

Содержание работы изложено на 77 страницах, список использованной литературы включает 64 наименования.

РАЗДЕЛ 1.

ХРИСТИАНСТВО – КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА

На определенных этапах истории проявляется стремление к идеософскому оправданию, т. е. научно обоснованному идеологическому отношению различных социальных групп. Например, в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков новые идеологические концепции, которые не вписывались в старую модель государственно-политической идеологии, получили большое влияние в России. Социально-политическая идеология стремится трансформировать общество на новой идеологической основе, используя мобильность в социальных отношениях. Консервативные интеллектуалы, то есть сторонники прежнего курса общественного развития, выступают против таких тенденций.

Наиболее общие идеи мировоззрения для всех времен и народов – это идея утверждения и идея отрицания существования природы и человека в целом или его отдельных сторон. Эти идеи основаны на естественном процессе организации и дезорганизации, то есть неэнтропийных процессах и энтропии, при сущих различным природным и социальным явлениям, а также во все исторические периоды. В наиболее общем виде противоположные теоретические и практические идеологические позиции могут быть определены понятиями «омнизм» и «нигилизм».

В.А. Недзвецкий замечает: «Между омнизмом и нигилизмом как принципами мировоззрения существует сложная диалектическая связь, которая оказывает заметное влияние на процессы духовного, идеологического и социально-политического развития общества. Борьба идей, столкновение мировоззрений, противопоставление крайних духовных позиций являются выражением универсального закона единства и борьбы противоположностей» [22, с. 16].

Омнизм – это позитивное мировоззрение человека, который принимает реальность во всем многообразии ее сложностей и противоречий. Омнизм (от латинского «omne, omnia» – все) – это практическая и мировоззренческая позиция человека, который воспринимает мир таким, какой он есть; это универсальная теория утверждения существования мира и человека. А. А. Кондюрина считает, что «в основе теоретического омнизма лежит идея позитивного отношения к миру в целом и его отдельным сторонам, познания мира в целом, признание ценности и смысла человеческой жизни, сохранение и совершенствование основных социокультурных ценностей. Омнистическое мировоззрение основано на признании принципов универсальности мира, разнообразия его форм, а также универсальной взаимосвязи явлений» [13, с. 7].

Человеческая культура основана на совершенствовании, творческом преобразовании окружающего мира; положение нормального физического человека заключается не в том, чтобы разрушать, а в том, чтобы сохранять и приумножать. Большинство интеллектуалов, как в теории, так и на практике, склонны утверждать, что идеи о существовании мира, предпочитают постепенное улучшение жизни по сравнению с острыми социальными потрясениями.

В то же время в любой национальной культуре есть небольшое активное меньшинство, которое исповедует негативное отношение к миру, обществу, государству и т. д. О.М. Гончарова так высказывается по данной теме: «Эти люди не хотят терпеть ход «естественных» или «искусственных» событий, поэтому они предлагают обществу те или иные социальные проекты, настаивают на реформе, призывают к революционным действиям, восстанию, беспорядкам и восстаниям. Среди этих людей всегда есть сторонники крайних мнения, радикальных мер: те, которых традиционно называются нигилистами. Однако независимо от того, насколько велика приверженность отрицанию отдельных лиц и социальных групп, все общество не может состоять из нигилистов (и, наоборот, все общество не может состоять только из консерваторов)» [7, с. 64].

В исторической реальности отдельные люди и социальные группы в силу объективных социальных или субъективных моральных обстоятельств действуют нигилистическими средствами и методами. Следовательно, нигилизм действует как мировоззренческий принцип, часть группового сознания, неотъемлемой характеристикой которого является отвержение отдельных элементов мира или мира в целом. Нигилизм всегда проявляется там, где разрушение и отрицание становятся самоцелью.

Любой нигилизм обусловлен объективными законами существования человека (пол и возраст, социально-политические, социокультурные, религиозные характеристики и др.). Изменения, которые происходят постоянно в материальной и духовной жизни общества, требуют от людей жизнеспособного выбора. А.И. Новиков замечает: «Человек должен постоянно выбирать между модернизмом и консерватизмом, отстаивать прежние формы и быть новатором новых. В этом случае человек предпочитает то, что, по его мнению, в настоящее время является наиболее предпочтительным, эффективным и прибыльным. Истина принятых решений подписаны практические результаты деятельности человека, оценка которых дает представление о позитивном или негативном характере тех или иных шагов» [24, с. 114].

В кризисные, поворотные моменты истории проблема нигилизма интеллектуальности приобретает особую актуальность. Нигилизм чаще всего обусловлен объективными закономерностями развития общества и является необходимой частью исторического прогресса. А. А. Кондюрина, анализируя историческую сущность нигилизма, писала: «Чтобы понять суть нигилизма, перефразирования и портретные зарисовки истории нигилизма на протяжении веков мало помогают. Все должно быть направлено, самое главное, чтобы увидеть образец истории в нигилизме» [13, с. 12]. То же самое можно сказать об антинигилистском мировоззрении, которое противостоит нигилизму. Только изучив законы социальной эволюции, проанализировав борьбу идей в истории как важную часть общественной жизни, мы сможем понять диалектическую

связь двух явлений, оппозиция которых играет решающую роль в развитии общества.

В. Краус считает, что: «за социально-политическим расколом общества – размежевание мировоззренческое: под воздействием мощного – начиная с 1840-х годов – влияния западноевропейских учений (позитивизм, материализм, атеизм) произошла поляризация двух типов мировосприятия: атеистического (материалистического) и религиозного (идеалистического)» [14, с. 135].

Современники, воспитанные в традициях русской православной культуры, особенно остро переживали основную идею нигилизма: отрицание вне материального, внеличного, Бога и абсолютных ценностей. Нигилизм, как замечает Н. Н. Страхов, есть «неверие, сомнение, скептицизм... отсутствие живых верований, прочных основ для мысли» [52, с. 71].

В «Письмах о нигилизме» (1881) Н. Страхов дал развернутое определение нигилизма как мировоззрения, несовместимого с христианской верой: «Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушения. Нигилизм – это не простой грех, не простое злодейство; это и не политическое преступление, не революционное пламя. Поднимитесь еще на одну ступень выше, на самую крайнюю ступень противлений законам души и совести; нигилизм, это – грех трансцендентальный, это – грех нечеловеческой гордости, обуявшей в наши дни умы людей, это – чудовищное извращение души, при котором злодеяние является добродетелью, кровопролитие – благодеянием, разрушение – лучшим залогом жизни. Человек вообразил, что он полный владыка своей судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую. Безумие... под видом доблести дает простор всем страстям человека, позволяет ему быть зверем и считать себя святым» [52, с. 73].

Именно это: «Бога нет...» – вызвало ответную реакцию традиционно мыслящих, верующих современников, которая и стала основой формирования широкого общественного и культурного движения, получившего название антинигилизм.

Появление антинигилистических тенденций в общественном сознании представляет большой интерес. В России, например, антинигилизм возникает как реакция на усиление революционных тенденций в общественной жизни в 1860-х годах. Российские «антинигилисты» (умеренные либералы, консерваторы, почвенники и др.) выступили против негативных доктрин радикальной разведки, предложив вместо этого идеи для усиления позитивной работы во всех сферах общественной жизни. Однако в словарях определение термина «антинигилизм» до сих пор не найдено. С теоретической точки зрения антинигилизм – это мировоззрение об отрицании деструктивных идей, планов фундаментальной перестройки общественного бытия и об отказе от желания переоценить ценности. А. И. Новиков замечает: «Антинигилистские концепции не всегда соответствуют объективным тенденциям общественного развития, чаще всего являясь крайним выражением консервативной идеологии» [24, с. 57].

Антинигилистический роман – это разновидность социально-политического романа, получившая широкое распространение в отечественной беллетристике 60-70-х годов XIX столетия. Основой антинигилистического романа стало противопоставление нигилистическому, демократическому направлению.

Авторы этих романов писали о разночинцах, особенно о представителях молодого поколения, которые отрицали морально устои общества. Они были оторваны от народа, отрицали и идеалы, принятые в эстетике. Освободительное движение представлялось в качестве заговора, возглавленного людьми, эмигрировавшими в Лондон.

Герои антинигилистических произведений часто становились своего рода пасквилями на ярких представителей демократического направления: В. А. Зайцева, Н. Г. Чернышевского и др. Сюжет, проникнутый антинигилистическими мотивами, стал основой знаменитого произведения «Бесы», написанного Ф. М. Достоевским. В этот период подобные романы создавались В. Г. Авсеенко и Б. М. Маркевичем. «Русский вестник», главным

редактором которого работал М. Н. Катков, стал основным печатным органом этого идеологического направления.

Концептуальной основой антинигилистических выступлений русских мыслителей, историков, публицистов, литературных критиков было христианство (вера в Бога как внеличностную силу, восприятие мира и человека как творений Бога, признание объективного существования абсолютных (Богом данных) этико-эстетических ценностей).

Антинигилистическое движение в России – в условиях открытой полемики с нигилистами, в период становления антипозитивистского течения русской философии, в ситуации агрессивного воздействия нетрадиционных для русской культуры учений – было проявлением и выражением христианской духовной традиции.

Формируясь в ситуации столкновения старого и нового, традиционного и нетрадиционного, национального и инонационального мировосприятия, антинигилизм приобретал, с одной стороны, социально-политический характер, выразившийся в консерватизме мышления его представителей; с другой – ориентировался на национально-религиозный идеал и традиции. Как тип мировоззрения антинигилизм характеризуется религиозностью, консерватизмом, национализмом.

Антинигилизм органичен для своего времени как выражение инстинкта национального самосохранения. Под агрессивным воздействием «чужой» – западноевропейской – культуры национальная культура актуализировала христианскую духовную традицию, развивающуюся непрерывно, переживая учения, увлечения, моды. Подобного по силе, открытости, последовательности и масштабности отражения христианского мироощущения явления в русской светской культуре, в сущности, не было. Христианская идея антинигилистического романа периода расцвета, мотивируется утверждением христианского идеала человека.

Н.Н. Старыгина считает, что «центральной в философско-религиозной полемике между нигилистами и антинигилистами была проблема понимания человека в контексте вечной парадигмы «человек – Бог – общество»» [44, с. 28].

В нигилистической антропологии стержневой является идея полной эмансипации человека от «давления» ценностей, правил, регламентов, условностей и т.п. Прежде всего, человек не должен чувствовать абсолютно никакой зависимости от Бога, никакого страха перед Богом. Более того, человек был провозглашен мерой всех вещей. В понимании нигилистов человек должен быть совершенно свободен интеллектуально и духовно.

Человек – продукт природы. Эмоциональная, нравственная жизнь человека есть всего лишь проявление физиологических и биологических рефлексов. Естественной природой человека нигилисты объяснили и его общественное поведение: человек – «общественное животное». Он полностью подчинен законам, которые управляют внешним миром (природой и социумом). Отсюда, кстати, и идея исторического и социального детерминизма человека в нигилистической антропологии. Ю.М. Проскурина считает, что: «Нигилисты поставили человека в прямую зависимость от среды и обстоятельств жизни. Логична поэтому центральная для нигилистов идея преобразования среды обитания человека: необходимо создать благоприятные условия для его развития» [33, с. 127].

Духовная жизнь человека была отождествлена нигилистами с его интеллектуальной деятельностью. Также Ю.М. Проскурина отмечает: «Человек и животное живут и двойной жизнью – инстинктивной и разумной, разум постепенно берет верх над инстинктом» [33, с. 128].

Отказавшись от религиозного понимания мира и человека, нигилисты поставили человека в центр мироздания (я вместо Бога) и создали антропоцентрическую модель мира.

Антинигилисты, объясняя человека, исходили из признания дуалистической природы человека и приоритета в ней духовного начала. Н.Н. Страхов писал: «Не плоть, а дух главное начало в человеке» [52, с. 21].

Причем духовная жизнь человека складывается из умственной, нравственной и эстетической деятельности, а ее основанием является вера.

Антинигилистами была воспринята основная идея христианской антропологии – учение об образе Божиим в человеке. Человек создан по образу и подобию Бога, он вышел добрым из рук Творца, но его грехопадение повлекло за собой искажение первоначально благой природы. Поэтому человек призван восстановить в себе «лик Божий», приблизиться к идеалу совершенства, воплощенному в Иисусе Христе.

Человек осознает себя и мир как Божие творение. Бог создал мир для человека и выделил его из животного состояния именно тем, что он, человек, «образ и подобие» Его. Отпадение от Бога неизбежно влечет превращение человека в «зверя».

Христология послужила основанием для решения антинигилистами одной из важнейших проблем антропологии: свободы и воли человека. Бог наделил человека разумом, чтобы различать вредное и полезное, и душой, чтобы различать добро и зло. Познание добра и зла – дело свободного и волевого человека. По словам Н.Н. Старыгиной, человек, вместе с тем, должен смиренно сознавать величие Божие и собственное несовершенство. Ему должно быть присуще чувство покаяния в своей греховности и стремление к святости (обожанию). Становление личности человека осуществляется в процессе его обожания [48, с. 118].

С христианской точки зрения несостоятельны нигилистические идеи естественного, самодостаточного и исключительно разумного человека, человека как продукта социально исторической среды. Образ человека в христианстве воплощает полноту единства телесного, душевного и духовного начал: «Сам же Бог мира да освятит нас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» [3, 1 Фес. 5:23].

В этом отношении христианский образ человека шире и глубже нигилистической модели человека, в чем были убеждены деятели русского антинигилистического движения.

Таким образом, в основании антропологических взглядов русских антинигилистов лежит центральная и основная идея теологии – учение об образе Божиим в человеке, которая развивается в учениях о происхождении человека (креационизм), о человеке как творении Бога (теоморфизм), о грехопадении (хамартиология), о конце мира (эсхатология), о божественной предопределенности (провиденциализм), о цели развития мира, предустановленной Богом (телеология), о спасении (сотериология).

С идеей богоподобного человека связана концептуализация этического аспекта в христианской антропологии, что также было воспринято русскими антинигилистами.

Образу «нового человека» в романах о «новых людях» писатели-антинигилисты противопоставили образ героя-деятеля («трудящегося гуманиста»). Деятельность «трудящегося гуманиста» направлена прежде всего на устроение души (внутреннего мира). Деятельность «нового человека» преследует иную цель – преобразование социальной жизни. В такой ситуации человек освобождается от необходимости «трудиться» над личным совершенствованием. Д. Сканлан пишет: «Для «нового человека» идеал – общественный прогресс. «Трудящийся гуманист» (как и авторы произведений), напротив, полагает, что прогресс несводим к накоплению материальных благ, знаний и опыта. Развитие человечества должно основываться на приближении каждого человека к идеалу Христа. В образе «трудящегося гуманиста» впервые воплощен тип человека, в котором органично сочетаются богоустремленность, христианский строй души и жизнь в миру» [40, с. 58].

Идея «светской святости», полемичная по отношению к идее гуманизма, воплотилась в образах героев-праведников в романах Н.С. Лескова «На ножах» и В.В. Крестовского «Кровавый пух». Образ праведника стал художественным воплощением христианской концепции человека. Понимание праведничества

писателями основывалось на древнерусской агиографической традиции и народных представлениях о святом человеке. Первые попытки создания образа праведника связаны с обращением авторов к опыту церковной жизни.

Основными в концепции праведничества являются идеи жертвенного служения Богу, деятельного добра и духовного просветления человека, устремленного к Богу, патриотизм. Лесков и Крестовский воплотили в образах праведников национальный характер с его «активностью в Боге» и христианский образ человека.

Писатели-антинигилисты противопоставили идее «нового человека» христианский идеал человека, что нашло отражение в системе образов персонажей.

Антинигилистами полемически был осмыслен романский конфликт: «я» и общество. Человек в антинигилистических произведениях решает не только проблемы светского (мирского) бытия, но и вечный вопрос «я и Бог». Судьба реального исторического человека отражает профанное и сакральное в жизни человека. Содержание конфликта в антинигилистических романах «человек – общество – Бог» шире социально-нравственного конфликта в нигилистических произведениях «человек – общество». Н.Н. Старыгина замечает: «Писатели-атеисты как бы ограничивают конфликт рамками истории индивидуальной личности, ее социально-историческими связями с обществом. Мировоззренческим основанием этого конфликта является нигилистическая идея самодостаточности человека («я» вместо Бога)» [44, с. 106].

Иными словами, традиционный конфликт «я» и общество в антинигилистических романах трактуется как часть сверхколлизии «человек и Бог». Человек показан, прежде всего, в его отношении к Богу: как индивидуальный и соборный. Образ человека в произведении складывается из изображения внутреннего мира (тип душевного устройства), раскрывающегося в частной жизни и в общественной практике. При этом основное внимание уделено описанию духовно-религиозного опыта человека (или отсутствия такового). Эта сфера осмыслена как всеобъемлющая, поскольку, говоря

словами лесковского героя, Савелия Туберозова, героя романа «Соборяне»: «вера – это предмет самый важный, это вопрос, который дает человеку все его направление и совершеннейшую отделку» [20, с. 32].

Художественное решение конфликта в антинигилистических романах также полемично: социально-политической утопии в нигилистических произведениях русские писатели противопоставили идеальный духовно-нравственный опыт человека (своего рода религиозно-этическую утопию).

Характерология в антинигилистических романах основывается на христианских антропологических представлениях. Для писателей-антинигилистов это было принципиально важно, потому что в полемике нигилисты отрицали наличие души у человека. Полемичность позиции авторов антинигилистических романов проявилась в том, что в образе-персонаже типизировались не только и не столько социально-психологические черты личности, сколько проявления душевного склада человека.

В антинигилистических романах сочетаются идеализация героев и критическое осмысление действительности. Идеальное не противоречит реалистическому познанию жизни. А.И. Новиков по этому поводу замечает: «Идеал в романах – тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность» [24, с. 124].

Философская и религиозная полемика между нигилистами и антинигилистами была одним из наиболее заметных явлений в середине и второй половине 19-го века. Антинигилизм, концептуальной основой которого было христианство, был своеобразным проявлением «инстинкта» самосохранения русской культуры в случае резкого столкновения традиционных и нетрадиционных национальных и зарубежных мировоззрений. В 1860-1870 гг. возникла антинигилистическая ветвь русской литературы, наиболее ярко представленная прозой Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, В.Б. Авдеева, Р. Авенариуса, В.В. Крестовского и других.

Уже в середине 1860-х гг. в общественном сознании возникает образ нигилиста. В публицистических, литературно-критических, историко-литературных и художественных публикациях русских антинигилистов образная концепция «нового человека», вошедшего в общественное сознание эпохи, критикуется, разрушаются представления об идеальном (позитивном) герое того времени. Антинигилисты создали такую концепцию образа «нигилиста», в которой содержится негативная оценка мировоззрения и действий «нового человека» [1, с. 397]. Семантический контекст, существующий в общественном сознании, создал условия, необходимые для восприятия образа «нигилиста» как карикатуры на «нового человека». Во всех отношениях нигилист в художественных и публицистических работах антинигилистов был «новым человеком» со знаком минус по отношению к традиционному национальному восприятию мира: в его мировоззрении, характере, поведении, внешности и т. д.

Противниками революции нигилизм интерпретировался как проявление атеизма и моральной путаницы сознания «новых людей». Глядя на человека и его мир ценностей, создатели антинигилистических романов заметили, как нигилизм разрушает гармонию человеческой личности.

Опасность нигилизма была замечена, прежде всего, в моральной и духовной сфере. В.А. Незлобин по этому поводу справедливо замечает: «Идеи, распространяемые нигилизмом, чрезвычайно нравились малообразованному обществу, потому что они абсолютно ничего не требовали от человека ... Тирания и безответственность стали единственным критерием правды, доброты, честности, убежденности, развития, мышления» [23, с. 32]. Он считает, что «натурализм или равно позитивизм без начала и конца никогда не смогут удовлетворить требования человеческого духа» [23, с. 19]. Это убеждение становится решающим в философских дебатах о природе человека в антинигилистических романах: в этом суть авторской позиции с точки зрения ценности мировоззрения.

Нигилистическое сознание в антинигилистических романах чуждо авторскому сознанию. Это в первую очередь неприемлемо и ущербно с точки зрения автора. Позиция автора в соответствии с мировоззрением ценного в антинигилистских романах выражается, в частности, в строгом и четком определении мира добра и мира зла, в названии носителей добра и зла.

Итак, литературная ситуация 1850–1870-х годов обусловлена контекстуальным содержанием, а именно: содержанием актуальной философско-религиозной полемики. С одной стороны, увлеченность части российского общества «новыми идеями» (атеистическими, позитивистскими, материалистическими), с другой стороны, стремление другой его части упрочить национальные ценности, смыслы и значения, бытующие в русле тысячелетней православной духовной традиции, формировали, по сути дела, содержание и структуру литературной ситуации. Философско-религиозная полемика спровоцировала эстетический спор о природе и назначении искусства, литературно-критическую полемику, но, главное, стимулировала развитие двух ветвей русской литературы: одной – ориентированной на социально-демократические идеи и идеалы, другой – на традиционные христианские ценности и смыслы.

В социально-политической, культурной и литературной жизни этого времени ярко проявляли себя нигилистическое и антинигилистическое движения, что обусловило сосуществование в искусстве двух течений русского реализма: социально-критического и христианского. Последовательно и основательно философско-религиозный спор о мире и человеке воплотился в полемическом романе в двух его разновидностях: нигилистической и антинигилистической. В произведениях писателей-антинигилистов создавалась теоцентрическая картина мира, в отличие от антропоцентрической картины мира в произведениях писателей-атеистов. Человек понимался ими как образ и подобие Божие, мир – как творение Бога. Не менее критически и трезво, чем писатели-нигилисты, воспринимая кризисное состояние общества, антинигилисты идеям разрушения и отрицания противопоставили идеи

приятия, созидания и совершенствования мира и человека, которому открыт путь духовного просветления и спасения.

Литературная ситуация 1850–1870-х годов является отражением контекстуального содержания эпохи с его стержневым философско-религиозным спором о человеке. При этом антинигилистическая романистика, в какой-то мере восполняя недостаточную активность антипозитивистского движения в русской философии этого времени, и предвосхищала открытия философско-религиозной мысли последней четверти XIX века.

РАЗДЕЛ 2.

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ФОН (СМЫСЛОВОЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ) В РОМАНАХ Н.С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ», «НЕКУДА»

2.1. Тема борьбы добра и зла, света и тьмы, небесного и земного сквозь призму библейских образов и сюжетов

Нравственно-религиозное по своему характеру русское искусство XIX века, решая художественные задачи, использует особый язык символов, выработанных в течение тысячелетнего развития христианства на Руси, язык, вошедший в обиход широчайших масс. Даже атеистическое сознание впитало образную культуру христианства, активно обращаясь к вечным темам и сюжетам. Язык символов наполняется реальностью нового времени, за которой он не всегда различим. Но без проникновения в содержание христианских символов трудно осмыслить глубину идейно-эстетических исканий русских классиков.

Содержание произведения и его эстетическое своеобразие обусловлены тем, как развивается главная, «вечная» тема борьбы добра и зла, света и тьмы, небесного и земного. В повествовании Лескова выстраиваются два ряда нравственно-эстетических представлений, свойственных русской духовности, делящих мир на две стихии – «удел света и удел мрака». В соответствии с этим организовано художественное пространство романов «Некуда», «На ножах»: в них последовательно проводится противопоставление добра и зла, света и тьмы, тишины и хаоса, души и тела; здесь Н. С. Лесков сознательно идет от Библии.

В самом начале романа «На ножах» Н.С. Лесков образом мученицы и праведницы Флоры утверждает высокую нравственно-эстетическую норму, являющуюся в дальнейшем повествовании своеобразной точкой отсчета, своего рода критерием истины: «На бедную Флору смотрели жадно и со вниманием, и она, доселе по общему признанию считавшаяся некрасивою, к удивлению, не

только никому отнюдь не казалась дурною, но напротив, кроткое, бледное, с легким золотистым подцветом лицо ее и ее черные, глубокие глаза, направленные на одну точку открытых врат алтаря, были найдены даже прекрасными» [18, с. 42].

По словам отца Гермогена, духовника Флоры, «она просияла», подчеркивается сияющая, неземная, духовная красота Флоры. «Просияла» кроткая и страдающая душа героини, словно прорвавшись сквозь свою телесную, земную оболочку. «Неземная» суть Флоры выявляется в романе и приемом «ангелизирования» героини: в восприятии ее немой дочери Веры, а также Александры Синтяниной, она – ангел.

В образе Флоры соединены три сквозных понятия лесковского романа: добро, свет, красота. В нем же отчетливо запечатлелось типичное для христианства разграничение духовного («сердечного») и телесного.

Образ Флоры постоянно присутствует в произведении, хотя героиня как действующее лицо романа появляется лишь в самом начале. И отношение к Флоре окружающих – своего рода лакмусовая бумажка, с помощью которой выявляется их нравственная суть, что позволяет автору противопоставить два мира: людей праведных и неправедных, добрых и злых, «пустых и вздорных» и «умных и честных, без которых, по Писанию, не стоит ни один город» [18, с. 48].

В соответствии с евангельской традицией: «всякий, делающий злое, ненавидит свет» – Лесков обозначает как «светлые» и «темные» две противоборствующие силы, конфликт между которыми составляет сюжет романа. С этой целью в повествовании даны соответствующие словесные портреты героев. Во внешнем облике генеральши Синтяниной подчеркнуты душевное здоровье и сила, спокойствие, твердость и решительность: «Все свежее лицо ее дышит здоровьем, а в больших серых глазах ясное спокойствие души. Она не блондинка, но всем кажется блондинка. В лице ее есть постоянно некоторая тень иронии, но ни одной черты, выражающей злобу. Походка ее плавна, все движения спокойны, тверды и решительны» [18, с. 21]. Напротив,

во внешности Павла Горданова автор выявляет скрытое беспокойство, постоянно владевшее героем, ощущение тревоги, с ним связанное; подчеркивает общее впечатление дисгармонии в его фигуре; постепенно сгущает зловещий мрак вокруг Горданова: у него, например, «бархатный взгляд, обдававший трауром» [18, с. 85].

Обращает на себя внимание авторское обозначение мира зла в заглавиях частей и глав романа. Пятая часть, в которой речь идет о Висленеве, Горданове, Глафире, названа вполне определенно: «Темные силы». В общий символический контекст романа включаются и такие заголовки: «Бездна призывает бездну» [18, с. 82], «Не перед добром» [18, с. 183], «Под крылом у темной ночи» [18, с. 194], «Черный день» [18, с. 221], «Черная немочь» [18, с. 232], «В черном цвете» [18, с. 317].

Сами герои романа «На ножах» ощущают себя «темными силами». Висленев рассуждает: «черт знает, как нас называть? мы... мы какие-то темные силы, из которых неведомо что выйдет» [18, с. 398]. Но, согласно древним этическим представлениям, тьма рождает зло, в христианской мифологии зло персонифицируется в образах темных сил: бесы, черти, демоны... Тема бесовства органично входит в роман «На ножах», развиваясь в системе символов, ключевых слов, разбросанных по тексту. Наиболее полно эта система «знаков» реализуется в образе Павла Горданова. «Демон», «темный человек», «шишимора» – так характеризуют его окружающие. Сам герой ощущает в себе бесовское начало: «Он чувствовал, что он становится теперь какой-то припадочный... им овладевает бес» [18, с. 132].

Горданов одержим злым духом, он отделен от Бога, лишен веры в Бога и человека. М.С. Горячкина замечает: «Отделение от Божества, от полноты Добра, есть зло, и, действуя на основании этого зла, мы можем делать только дурное дело... человек, который на своем нравственном недуге, на своей злобе и безумии основывает свое право действовать и переделывать мир по-своему, такой человек... по самому существу своему есть убийца; он неизбежно будет насиловать и губить других, и сам неизбежно погибнет от насилия» [8, с. 77].

Горданов и есть убийца: он убил в самом себе все человеческое, он убил Бодростина, Ларису, погубил Иосафа, Катерину Форову; вокруг Горданова и в нем самом – зло и мрак, безнравственность и жестокость, проистекающие, по мысли Лескова, от безбожия.

С темой бесовства связан в романе мотив сумасшествия, безумия. Безумен в своих планах Горданов, безумны Глафира и Иосаф. Мотив безумия получает в романе христианское обоснование: безумие от злого духа. Героиня романа, Лариса Висленева, говорит: «Во мне бушует Саул при приближении Давида» [18, с. 248]. В Первой книге царств говорится, что даже при упоминании имени Давида злой дух приводил в бешенство Саула. Эта же мысль звучит в уже приводимой цитате.

Тема бесовства в романе «На ножах» оборачивается темой маскарада, игры, маски. Жизнь людей Горданов воспринимает как игру, участники которой в масках. Старыгина Н.Н. утверждает, что «Лескову важно прежде всего показать, что именно «темные» герои играют в жизни роли, они предстают оборотнями, маски и внутренняя суть этих героев не совпадают» [43, с. 227].

«Темные» герои романа расстаются со своими масками, лишь оставаясь наедине с собой. Только однажды Глафира и Иосаф были искренни друг с другом: «Оба вдруг сняли свои маски». Тема маскарада, прием маски позволяют Лескову выявить бездуховность и неискренность «темных» людей: у них не судьбы, а роли, не лица, а маски. Н.Н. Старыгина замечает: «Это оборотни, живущие в ожидании «лукавых дней», «неведомые силы незримого мира. В образах Горданова, Глафиры Бодростиной, Иосафа Висленева художественно реализуется евангельское утверждение: «злой человек из злого сокровища выносит злое», иными словами – идея «расчеловечивания» человека, всегда волновавшая Лескова» [43, с. 229].

Тема маскарада многовариантна в романе «На ножах». Одним из постоянно звучащих мотивов в нем является мотив «жизнь – игра»: игра в карты, игра в шахматы, игра на бирже, игра в сражение, детская игра. Жизнь –

игра, а ставка в ней – человек. Так воспринимают жизнь «темные» герои романа Лескова. Этому восприятию жизни противопоставлено серьезное к ней отношение «светлых» героев романа, символически выраженное в мотиве «чаши жизни», проходящем через все повествование. На первых страницах произведения этот мотив появляется в неточно воспроизведенных словах молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду в ночь накануне казни: «да мимо меня идет чаша сия» [3, Мф. 26:39].

Этот мотив звучит в письме-исповеди Александры Синтяниной, причем здесь он осложняется евангельским осмыслением жизни как «ига, которое благо, и бремя, которое легко». Мотив «чаши жизни» связан в романе с мотивом «страшного суда»: «дня смертного и дня страшного суда, на котором обнажатся все совести и обнаружатся все помышления» [18, с. 72].

Силам тьмы Лесков противопоставил в своем произведении героев, которые образуют царство света и добра. Нельзя не отметить, что писатель стремится создать полноценные образы положительных героев, могущих противоборствовать злу. Он верит в конечное торжество высокого христианского идеала жизни, что определяет такую черту его художественного мышления, как оптимизм. Образы «светлых» героев романа «ангелизированы» и идеализированы. Создавая их, Лесков своеобразно использует мотив двойничества: каждый положительный герой романа является «вариантом» какого-либо образа мировой культуры. Дон Кихот и вечный странник – майор Форов. Сестра милосердия – Катерина Форова. «Чудак ли, шут или ясновидящий» – Светозар Водопьянов. Святая праведница – Александра Синтянина (ее образ создан Лесковым с использованием традиций житийной литературы).

Содержание произведения и его эстетическая оригинальность проистекают из развития основной «вечной» темы борьбы добра со злом, света и тьмы, неба и земли. В повествовании Лескова, как будто построены два ряда моральных и эстетических представлений, связанных с христианской духовностью, разделяющих мир на два элемента – «наследие света и наследие

тьмы». В соответствии с этим было организовано художественное пространство романа «На ножах»: последовательно противопоставляется добро и зло, свет и тьма, тишина и хаос, душа и тело. Здесь Н. С. Лесков, христианский писатель, сознательно использует библейские мотивы. В тексте романа используются цитаты, воспоминания, изображения и истории из Библии, показывающие эти вечное противостояние. Например, история Каина и Авеля является своеобразной рамкой в романе. Отец Евангел, обсуждая «человеческую злобу» и доброту [18, с. 77], напоминает ей: «Первый город на земле сгородил Каин; он первый и брата убил» [18, с. 77] — и делает вывод: «... и кроткие наследят землю» [18, с. 77], перефразируя Евангелие, «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» [3, 1 Мф. 5:5]. Более того, эта этическая антитеза «добра и зла» наполнена определенным содержанием: Бог — дьявол. Герой романа майор Форов прервал отца Евангела: «А в саду дьявол убедил человека не слушаться более Бога» [18, с. 78]. «Да, это в Эдемском саду: но зато в Гефсиманском саду случилось другое: там Бог сам себя предал страданьям» [18, с. 78], — продолжил отец Евангел.

Таким образом, тема добра и зла традиционно отводится традиционному библейскому содержанию: Бог — человек — дьявол. Более того, история Каина и Авеля, реконструированная в конце романа в своеобразном народно-легендарном толковании, подчеркивает христианское понимание добра и зла как не относящейся к делу категории: «... звезда все видит, она видела, как Кавель Кавеля убил... звезда все над Кавелем плыла, богу злодея показывала» [18, с. 319].

Приведенные выше примеры позволяют нам увидеть оригинальность поэтики романа «На ножах»: его условно можно назвать символическим, то есть миры добра и зла намеренно «обозначены».

Согласно евангельской традиции: «каждый, кто творит зло, ненавидит свет» [3, 3 Ин. 3:20] — Лесков описывает как «светлую», та и «темную», две противоборствующие силы, конфликт которых является сюжетом романа. Для этого в повествовании приведены соответствующие словесные портреты

персонажей. Портрет Синтяниной подчеркивает психическое здоровье и силу, мир, твердость и решительность: «Все свежее лицо ее дышит здоровьем, а в больших серых глазах ясное спокойствие души. Она не блондинка, но всем кажется блондинкою. В лице ее есть постоянно некоторая тень иронии, но ни одной черты, выражающей злобу. Походка ее плавна, все движения спокойны, тверды и решительны» [18, с. 19]. Напротив, в появлении Павла Горданова автор раскрывает скрытую тревогу, которая постоянно оказывает влияние на героя, тревогу, связанную с ним; подчеркивает общее впечатление дисгармонии в его форме; Зловещая тьма вокруг Горданова постепенно сгущается: например, она имеет «бархатный взгляд, обдававший трауром» [18, с. 43].

Природа втягивается в противостояние со «светлыми» и «темными» силами в романе. Яркое пространство окружает добрых героев Лескова, тьма одолевает зло. Перед известиями о прибытии Иосафа Висленева и Горданова Форовы, Лариса, Подозеров встречаются в саду: в мае, май месяц, «четыре часа спустя после жаркого полудня» [18, с. 41], «река, широкая беспредельная зеленая степь, над которою в синеве неба дотаивало одинокое облачко» [16, с. 41]. Когда появляются Горданов и Вистленев, в природе все меняется: «на дворе уже совсем смерклось и тучилось» [18, с. 83]. Утро, которое наступило после прибытия этих героев, казалось, было наполнено ночной тьмой: «После ночи, которою заключился вчерашний день встреч, свиданий, знакомств, переговоров и условий, утро встало неласковое, ветреное, суровое и изменчивое» [18, с. 89].

В темноте ночи «герои тьмы» изобретают и реализуют свои планы. Борьба света и тьмы, кажется, сопровождает душевную борьбу Иосафа, который решил ограбить Горданова: «По полу, через всю переднюю, лежала чуть заметная полоса слабого света и ползла через открытую дверь в темный кабинет и здесь терялась во тьме» [19, с. 158]. Из темноты, на роковом севере, появляется Глафира Бодростина: «Коридор был освещен, но в комнатах стояла непроглядная темень. — Кто здесь? — громко крикнул Горданов... — Это я, —

отвечал ему из темноты тихий, но звучный голос» [19, с. 159]. Тьма одолевает героиню, одетую в черное.

Следует обратить внимание на авторское определение мира зла в названиях частей и глав романа. Пятая часть, в которой мы говорим о Виселениевой, Горданове, Глафире, вполне определенно называется: «Темные силы». Следующие символические заголовки также включены в общий символический контекст романа: «Отчлан зовет пропасть», «Не до добра», «Под крылом темной ночи», «Черный день», «Черная болезнь», «В черном».

Герои романа «На ножках» сами чувствуют «темные силы». Висленев говорит: «черт знает, как нас называть? ... мы какие-то темные силы, из которых неведомо что выйдет» [18, с. 762]. Но согласно древним этическим представлениям, тьма порождает зло, в христианской мифологии зло воплощается в образах силы тьмы: демонов, дьяволов, демонов.

Тема демонизма органично включена в роман «На ножках», развивающийся в системе символов, ключевых слов и т. д. разбросаны по всему тексту. Эта система «знаков» наиболее полно реализована в описании Павла Горданова. «Демон» [18, с. 14], «темный человек» [18, с. 165], «шишимора» [18, с. 113] — так его описывают окружающие. Сам герой чувствует демоническое начало: «Он чувствовал, что он становится теперь какой-то припадочный... им овладевает бес» [18, с. 230].

Лесков противостоял силам тьмы в своей работе с героями, которые создают царство света и добра. Следует отметить, что писатель пытается создать полноценные образы добрых героев, способных противостоять злу. Он верит в окончательный триумф высокого христианского идеала жизни, который определяет такую особенность его художественного мышления, как оптимизм. Образы «светлых» героев романа связаны с важнейшими идеями христианско-этической концепции Лескова: идеей нравственного совершенствования человека и идеей самоотверженного служения людям, добра и милосердия.

Судьба героев Лескова приобретает символическое и универсальное значение и воспринимается в их «вечных» версиях благодаря библейскому

фону романа «На ножах». Лесков широко вводит библейские образы и сюжеты, цитаты и воспоминания в повествования, которые переводят конкретные ситуации в сферу общечеловеческих проблем.

Например, в контексте романа символически воспринимаются «гравюры и литографии», развешанные на стенах в кабинете Иосафа Виселениева. Среди них: «Ревекка с овцами у колодца; Лаван, обыскивающий походный шатер Рахили, укравшей его богов» [19, с. 114]. Как и любой символ, эти библейские образы могут быть поняты. Тема «В поисках жены» (Ревекка встречает раба Исаака, отправленного на поиски жены для своего хозяина) можно найти в рассказе героев романа: Горданов — Глафира — Лариса; Вистленев — Александра — Глафира; Подозеров — Лариса — Александра. История и изображения легенды о Лаване, оставленные без идолов, также вызывают некоторые аналогии: Иосиф, раскрывая «полное презрение к традиции» [19, с. 136]; Лариса, которая потеряла веру своих родителей и не получила новую веру; судьба Горданова, Глафиры и Алины оказалась сломленной, возможно, потому, что «богов похитили».

Писатель активно обращается к библейским легендам, создавая образы своих героинь: в романе упоминаются библейские образы Фамари [18, с. 149], Марты и Марии [18, с. 213], Джудит [18, с. 432], Агарь [19, с. 15], Лея и Рахиль [19, с. 202], Иродиада [19, с. 333].

Библейские образы помогают воспроизвести судьбу героинь в контексте вечной жизни человечества, они связаны с проблемами любви, нравственного выбора и ответственности человека друг за друга.

В художественном пространстве романа «Некуда» последовательно проводится противопоставление добра и зла, света и тьмы, тишины и хаоса, души и тела. Здесь Н.С. Лесков, христианский писатель, сознательно идёт от Библии. В тексте романа постоянно встречаются высказывания, цитаты, реминисценции из Библии, выявляющие это вечное противостояние. Постоянно подчёркивается квазирелигиозный характер революционной идеологии: «Я вот хочу, Женни, веру переменить, чтобы не говеть никогда, – подмигнув глазом

сказала Лиза. – Правда, что и ты это одобришь? Борис вон тоже согласен со мною: хотим идти в немцы» [17, с. 174]. «Под лютареву ересь теперича вех произведут» [17, с. 340] – шутит старообрядец Канунников, слыша о нигилистах.

«Мирынами» (конечно, с иронией) именуется в авторском тексте люди, живущие за пределами социалистической коммуны Дома Согласия: «В мире о нравах и жизни ...Дома имели гораздо меньше верных сведений, чем о жизни в старых католических монастырях... Копашась в бездне греховной, миряне... судили о его жильцах по своим склонностям..., упуская из виду, что «граждане Дома» старались ни в чём не походить на обыкновенных смертных, стремились стать выше их: стремились быть для них нравственным образцом» [17, с. 569]. Таким образом, в идеале Дом был задуман как своего рода революционный монастырь.

Своеобразно преломляется проблема нигилизма и религии в диалоге социалиста Райнера с неким китайцем, наблюдавшим собрание в Доме:

«– Это жрец? – спросил китаец Райнера.

Райнер объяснил ему, что такое Белоярцев и женщины, которых они видят за столом. Китаец мотнул головой...

– Это Фо; это значит, они принадлежат к религии Фо...» [17, с. 581-582].

Этот эпизод внешне носит комический характер. И комизм здесь не случаен: высокий замысел социальной коммуны никак не соответствует реальности Дома Согласия, ставшего ареной для честолюбивых устремлений Белоярцева. Не случайно тот же китаец принимает происходящее на собрании за «театр», «представление» – жители Дома не таковы, какими хотят казаться, они играют роли. Как утверждает Н.Н. Старыгина, «мотив маскарада, театральности вообще связан с изображением сил зла» [42, с. 11]. В «Некуда» тема «представления» возникает не раз.

О революционере Арапове Дарья Афанасьевна говорит: «Актер он большой. Всё только комедии из себя представляет» [17, с. 260]. И действительно, Арапов перед домашними «обыкновенно печоринствовал» [19,

2, с. 257]. «Здесь тоска, комедия и больше ничего» [17, с. 589], – говорит Лиза о Доме Белоярцеву. «Маскарад» – так отзывался Райнер о русском революционном движении.

Мотив маскарада связан с проблемой «быть и казаться», а применительно к нигилистам – с вопросом о соответствии идеала и служения, с темой опошления идей. В некоторых случаях театральное поведение персонажей изображается с юмором, чаще – с горечью.

Таково изображение Ольги Александровны Розановой, которой, в сущности, всё равно, к какой идее пристать. Знакомясь с Бахаревым, она разговаривает «тем самым тоном, которым... хорошая актриса должна исполнять главную роль в пьесе «В людях ангел – не жена» [17, с. 213]. В то время как Лиза прилежно учиться шить, чтобы начать работать, Ольга Александровна неожиданно объявляет: «Я думаю завести мастерскую... Никакой труд не постыден» [17, с. 215]. Всем окружающим ясно, что это не больше чем поза. В последствии Ольга Александровна с тем же пылом демонстрирует свою набожность, ходит молиться в Казанский собор и плачет перед образом Богородицы, хотя за три дня до этого не знала, кто такая Юдифь, и нигде больше не видно следов её религиозности.

Неискренность, готовность рисоваться и играть, используя при этом модные идеи, у многих героев «Некуда» вырабатывают способность к мимикрии, к самым неожиданным метаморфозам.

Демократ-фразёр Зарницын женится на богатой вдове; скромный интеллигент-либерал Вязмитинов становится важным чиновником; «ценитель» цветов и женской красоты, «свободный художник» [17, с. 547] Белоярцев возглавляет «гражданское направление в искусстве» [17, с. 547].

«В этих превращениях присутствует не только театральность. Есть в них и нечто более зловещее, своего рода «оборотничество», а здесь мы уже приближаемся к проблеме демонологии в романе», – утверждает А.А. Малиновский [21, с. 21]. Недаром няня Лизы, Абрамовна, называет Ольгу Александровну «чёртом с рогами» [17, с. 481]. Спокойный и добродушный

капитан Ярошинский оказывается на деле мрачным фанатиком-иезуитом – каноником Кракувкой. Нафтуло Соловейчик помогает революционерам – и он же готов писать донос. Соседям по дому он известен как Андрей Тихонович, а впоследствии предстает перед нами как барон Альтерзон.

Даже Райнер (с образом которого обычно не связаны демонические мотивы) «оборачивается» попом Станиславом Кулей, сменив презрение к национальностям на защиту польской независимости.

Нигилизм в романе ассоциируется не только с идеей религиозного служения, подлинного или мнимого, но и с образом дьявола, нечистой силы. «Плюнь да перекрестись. Се мара» [17, 260], – говорит Нечай Розанову о революционных идеях Арапова. В служении у Арапова и его единомышленников находится человек по прозвищу «Черт»: «Бог знает, что это было такое: роста огромного, ручища длинные, ниже колен, голова как малый пивной котёл, говорит сишлым басом, рот до ушей». Розанов «понимал, что этому созданию с вероятностью можно ожидать паспорта только на тот свет» [17, с. 289].

Итак, мотивы маскарада, оборотничества и бесовщины прочно связывают столичных революционеров с «темным миром». Однако немало места в романе уделено и образам «чистых нигилистов», отмеченных чертами праведности. Это прежде всего Лиза Бахарева, Женни Головацкая, Райнер, Помада, в какой-то степени Персеянцев, Рациборский, Бертольди.

Юстин Помада «детски-наивен». Розанов говорит о нём: «А тот, не сводя глаз, взирает на птицы небесные, как не жнут, не сеют, не собирают в житницы, а и сыты, и одеты» [17, с. 421]. Знаменательно, что для характеристики своего друга Розанов использует евангельский текст. Презрение к одежде сближает Помаду с христианскими подвижниками: «Всё это вздор перед вечностью» [17, с. 430], – говорил он друзьям, указывающим на худой сапог или лопнувший под мышкою сюртук. Помада принадлежит к галерее лесковских чудаков, «антиков», старомодных идеалистов – так он и назван в романе: «университетский антик прошлого десятилетия» [17, с. 51].

Некоторым романтическим ореолом окружена фигура Райнера. Он целомудрен, его доводят до слёз циничные разговоры о женщинах. Думая о них, он стремится «к отысканию какого-то чистого, сильного, героического, но весьма туманного идеала» [17, с. 592]. «Ребёнком» считает его кухарка Афинья. Близость души к детскому состоянию, – черта, сближающая героя с христианскими праведниками. Он совершенно бескорыстен.

В изображении революционеров-праведников по большей части нет иронии. И если неуклюжего Помаду Лесков рисует порой с добродушным юмором, то вся его судьба в итоге глубоко трагична.

В Помаде, Райнере, Лизе мы видим, по существу, черты совсем другой, христианской нравственности, их источник не революционные идеи, а христианское учение и воспитание. Помада и Райнер помнят наставления своих богомольных матерей. Мать Помады, умирая, поручает своего сына защите Божьей Матери. Марья Михайловна Райнер, женщина «с ангельской душой», перед смертью просит сына хранить целомудрие, помнить «об обязанностях человека к Богу, к обществу, к семье и к женщине» [17, с. 179]. Лиза Бахарева унаследовала черты аскетизма от своей тётки, игуменьи Агнии.

С образами праведников связаны важнейшие идеи христианско-нравственной концепции Лескова: идея нравственного совершенствования человека и идея жертвенного служения людям, добра и милосердия. Это люди веры. Они исповедуют, по словам Н.Н. Старыгиной, «религию добрых дел» [43, с. 229]. В этом состоянии души – красота мира лесковских героев. В этом для писателя – залог духовного прозрения и нравственного исцеления России.

В своём романе, наполненном нравственно-религиозным содержанием, Н.С. Лесков для решения художественных задач, как мы видим, использовал язык символов, что позволило наполнить образы героев и их судьбы символическим и общечеловеческим смыслом.

2.2. Связь системы персонажей романов «Некуда», «На ножах» с христианской антропологией

Христианская антропология – это целостное видение человеческой природы – в единстве телесной, душевной и духовной жизни. В основе этого единства лежит учение об образе Божиим в человеке. Православное сознание исходит в понимании человека из глубокого чувства его ценности. Отсюда и всеобщая любовь к человеку, даже грешному. Основные понятия христианской антропологии: человек, личность, мораль, духовность, духовно-нравственная жизнь, смысл жизни, спасение.

Интеллектуальная и эмоциональная сфера жизни персонажей раскрывается через:

- 1) противостояние праведников и нигилистов; «трудящихся гуманистов» и нигилистов;
- 2) оценки, которые персонажи дают другим;
- 3) характерные черты эпохи (Дмитрий Розанов, герой романа «Некуда», говорит о своем времени: «Я не виноват, что в такие дни живу, когда люди умирают» [17, с. 421]; для Андрея Подозерова из романа «На ножах» «его эпоха – это «эпоха мошенников» [18, с. 308], в которой отношения между людьми рассматриваются как «роковая судьба хороших людей, спорящих друг с другом о мошенниках, под предлогом расхождения в теоретических принципах» [17, с. 310].

Раскрытие интеллектуальной и эмоциональной сферы жизни героев помогает читателю понять принципы реализации Лесковым идеи картины «человек без направления», которая не применима ни к каким теориям, кроме «теории правды жизни» и труда. Каждый из героев Лескова говорит о себе как о «человеке без направления», который пытается жить в гармонии с совестью и в гармонии с другими.

Одно из центральных мест в системе лесковских художественных образов занимают «трудящиеся гуманисты»: врач Дмитрий Розанов («Некуда»), адвокат

Андрей Подозеров («На ножах»). При создании образов Лесков определяет социальный статус своих героев. Дмитрий Розанов (роман «Некуда») является врачом. В начале романа «На ножах», ссылаясь на социальный статус другого героя, Андрея Подозерова, автор говорит: «Небогатый из местных помещиков, служащий по земству» [18, с. 117]. В провинциальном обществе он известный как «по крестьянским делам самый влиятельный человек» [18, с. 125].

Каждый из положительных героев Лескова является активистом, который считает своим долгом помогать людям и действовать в его интересах. Это становится особенно важным в то время, когда в России преобладают материальные и практические занятия. Стремление к прибыли, обогащению и материальным благам лежит в основе деятельности «новых людей» (например, Горданов, герой романа «На ножах», Белоярцев, герой романа «Некуда»).

Поведение героев регулируется идеями долга и чести, поэтому их действия часто расцениваются окружающими как нелогичные (брак Подозерова с Ларисой Висленевой, отношения между Розановым и его женой).

В содержании образов положительных героев Подозерова, Розанова центральное место занимает идея нравственного совершенствования человека. Они совершенны в области духовной жизни. Им противопоставлены «новые люди» (Горданов, Висленева, Белоярцев).

Чтобы соотнести образы женщины с изображением «мужчины без направления», необходимо сравнить образы идеальных и обычных героинь, «страстных женщин» и «женщин на распутье». Героини противостоят друг другу, и это противостояние основано на понимании страсти Лесковым. В патристическом учении страсти интерпретируются как нечто чуждое человеческой душе. «Никто из тех, кто находит в сердце любую страсть, даже самую маленькую, не может иметь благодати Святого Духа, живущего во Христе», — писал святой Симеон. Страстный изгнан из Царства Небесного [3, 1 Кор. 6:9]. Страсть — тьма [3, Еф. 5:11, 6:12].

Страстное расположение души (или грешника) неестественно для человеческой природы, для которой добродетель и жажда добра органичны. В страстном состоянии ума человек находится во власти мирского обольщения.

Женщины, одержимые нигилистическими идеями и «женщины на распутье», то есть те, кто любит новые идеи, перегружены физическим преследованием, погоней за материальным богатством, они демонстрируют идеи зависимости человека от страсти. Идею человека, свободного от страсти, Лесков воплощает в образах «светской правой женщины» и обычной женщины, изначально наделенной знанием добра и зла.

В романе «Некуда» контрастируют образы Евгении Гловацкой и Лизы Бахаревой; в романе «На ножах» писатель проводит аналогии между Александрой Синтяниной и Ванскок.

Сравнивая двух героинь, Лесков указывает на разрушительное воздействие «новой науки» на человека. Согласно модной тенденции, Лизе «было стыдно за свое невинное прошлое... ей было стыдно за памятники этого прошлого, за все, что героиня ценила и любила, все ее чувства были посвящены стремлениям» [18, с. 155]. Героине не было дано преодолеть падение и возродиться к новой жизни, потому что ее душа не знает Бога. Стоит отметить, что имя героини «Елизавета» на иврите означает «клятва Богу, поклонение Богу». Потеряв веру в эту идею, Лиза понимает, что воскресение для нее невозможно: «Лиза, которая долго боролась со своей семьей и старым обществом, много сделала для себя, практикуя социальное обучение, в котором она искала результат лабиринта трудных условий жизни, или иначе они спутали ее свободную натуру с первого шага на свет и сделали ее жизнь невыносимой для нее» [19, с. 494].

Позитивные образы женщин в романе «Некуда» ориентированы на христианский идеал, они характеризуются любовью к семье, понимают роль женщины в ней. Н.С. Лесков подчеркивает гармонию этого типа женщин, начиная с описания героинь, что соответствует христианскому восприятию женской красоты. Например, он говорит об Евгении Гловацкой: «Марина

Абрамовна недаром назвала Евгению Петровну красавицей. Она действительно хороша. Стан высокий, стройный и роскошный, античная грудь, античные плечи, прелестная ручка, волосы черные, черные, как вороново крыло, и кроткие, умные голубые глаза, которые так и смотрели в душу, так и западали в сердце. Вообще в ее лице много спокойной решимости и силы, но вместе с тем в ней много и той женственности, которая прежде всего ищет раздела, ласки и сочувствия» [17, с. 270].

Посредством описания героинь Лесков пытается передать одно из их качеств — кротость. Поэтому в тексте романа он неоднократно подчеркивает, что понимание / непонимание судьбы самой женщины целиком зависит от образования, примирения с судьбой (идея об ответственности матери за судьбу своей дочери): «Точно мать покойница: хороша; когда б и сердце тебе бог дал материно...» [17, с. 18]; «...дочь вся в зависимости от матери, и мать несет за нее ответственность перед обществом. Пуще всего Ольге Сергеевне понравилось это новое открытие, что она несет за дочерей ответственность перед обществом: так она стала смотреть на себя, как на лицо весьма ответственное» [17, с. 505].

Важно, чтобы Лесков продемонстрировал, что мать несет ответственность за своего сына и у него есть миссия: привести ребенка к Богу, обеспечить спасение. На примере судьбы Марии Михайловны Райнер Н. С. Лесков показывает, что отчуждение Бога ведет не только к краху женской судьбы, невозможности потомства, но и уничтожает ребенка: «Ульрих Райнер решил никак не крестить сына, и ему это удалось. Ребенок, пососав несколько дней материнское молоко, отравленное материнским горем, зачах, покорчился и умер» [17, с. 271]. И, наоборот, участие в таинствах, путь к Богу, понимание истины. значения вознаграждаются: «Четвертого ноября 1840 года у Райнера родился второй сын. Ульрих Райнер был теперь гораздо старше, чем при рождении первого ребенка, и не сумасшествовал. Ребенка при св. крещении назвали Васильем» [17, с. 271]. Николай Лесков показывает, что крещение связывает человека благодаря Божественному принципу, оно позволяет обрести

вечную жизнь в Боге. О важности крещения говорится во многих текстах Священного Писания, и его истинность не вызывает сомнений «... если человек не рожден от воды и Духа, он не может войти в Царствие Божие» [3, 1 Ин. 3:5], то есть он не может найти дом (и физически, и метафизически). Дом является символом силы и стабильности бытия. Человек «вне дома», как правило, не имеет корней, уязвим и несовершен.

Так вот, благодаря космической оппозиции «дом — вдали от дома», героини наделены моральными качествами. Честные женщины должны посвятить свою жизнь заботе о доме, об его комфорте: «А уж о комнате Женни и говорить нечего. Такая была хорошенькая, такая девственная комнатка, что стоило в ней побыть десять минут, чтобы начать чувствовать себя как-то спокойнее, и выше, и чище, и нравственнее» [17, с. 68]. Собственно, и людей они привлекают искренностью, добротой, способностью к сочувствию и нахождению рядом с ними: «С приездом Женни помолодел сам старик, сильнее зацвел старый жасмин, обрезанный и подвязанный молодыми ручками... Люди и старик отец тотчас почувствовали, что в доме есть настоящая хозяйка, которая все видит и обо всех помнит. И стало всем очень хорошо в этом доме» [17, с. 130].

Описание жилища героинь «нового» типа, например, Агаты, позволяет Лескову показать, что женщина потеряла способность любить, сожалеть, сострадать, живя в хаосе, то есть «вне дома», она обречена на одиночество и отсутствие детей. На самом деле такая героиня теряет функцию рождения, что в конечном итоге приводит к смерти и безнадежности.

Н. С. Лесков отмечает, что отношение Агаты к своей беременности насколько безразлично, что материнство не может спасти героиню в ее мире «вне дома» и «вне бога». Автор романа «Некуда» подчеркивает эту идею, указывая на внешнее описание женщины: «Лицо ее позеленело и немного отекло, глаза сделались еще больше, фигура сильно испортилась в талии» [17, с. 621].

При этом персонажи мужского пола говорят о необходимости помнить вечные ценности (письмо Гижицкого к Агате): «Вспомните, что вы ведь русская. Зачем вам быть с нами? Примите мой совет: успокойтесь; будьте русскою женщиною и посмотрите, не верно ли то, что стране вашей нужны прежде всего хорошие матери, без которых трудно ждть хороших людей» [17, с. 622]. Сходное восприятие (несоответствие суждений героя о его социальной роли) Лесков использует, показывая, что, вопреки всем новым тенденциям, существуют вещи неразрушимые, фундаментальные. В то же время, Лесков признает за женщинами «нового» типа их ум, желание действовать, деятельность в организации своей жизни, но они не наделены силой, способной вывести их из хаоса. Важным аспектом в структуре женских образов «нового» типа является их нестабильность, которая проявляется в сомнениях героинь, в чувстве навязчивости выбранного решения. Благодаря этим героиням и Н.С. Лесков проверяет свою теорию «рационального освобождения».

Можно сделать вывод, что, согласно анализу, в рассматриваемых романах Лескова можно выделить четыре типа женских образов.

Тип № 1: яростные нигилистки, «старообрядцы среди новых людей». Извращение человеческой и женской природы, представление о женщине под влиянием «прогрессивных» идей для этих героинь замечено извне: Лесков предлагает клише «потертые дамы», в их описании они не очень многообещающие, используются эпитеты «грязные», с грязными руками и т. д.

С момента написания романа «Некуда» (1864 г.) и до момента создания романа «На ножах» (1870–1871 гг.) мнение Лескова о нигилистах и нигилизме еще более меняется в сторону разочарования и негодования. Поэтому, по словам Лескова, из типа «новых» людей, то есть нигилистов, в конечном итоге появляется новый класс: «более новые», основным принципом которых является прибыль и личный интерес, а не «общее дело». Поэтому, по словам Н.Н. Старыгиной, Лесков называет преданных нигилистов «старообрядцами среди новых людей» [46, с. 59].

Особенно преувеличивает Лесков, когда изображает главного апологета этой партии Анну Александровну Скокову («На ножах») по прозвищу Вансок: сидит на корточках, крепкая, ограниченная, скучная, ревнива [17, с. 131] и др.

Нигилистки входят в коммуны, они занимаются переводом журналов, чтобы заработать деньги для «общего дела», то есть для революционной деятельности; они режут лягушек для занятия естественными науками, спокойно душат кошек своими руками для упражнений «нервной силы». Для таких женщин брак — бессмысленный. Брак возможен только как средство сбора денег для революционной деятельности. Этот образ уродлив, неприятен с точки зрения природы, эстетики, нравственности [44, с. 81].

Тип № 2 — псевдо-женщины, жадные до денег, коварные. Спектр качеств и характеров у этого типа очень разнообразен. Это те, кто когда-то были настоящими нигилистами, но наигрались в этом направлении и, закрепив принцип «каждый ворует для себя», они так или иначе вступают в брак, чтобы быть богатыми, но не для того, чтобы внести свой вклад в «общее дело» (Глафира Бодростина, Казимир Вахтинский и др.). То есть те, кто предал один из принципов нигилизма – обет безбрачия. К ним относятся те, кто спекулирует от имени нигилистов, но на самом деле они предусмотрительные мошенники. Они лгут, они предают, они даже убивают [44, с. 95].

Тип № 3: романтические идеалистки или жертвы нигилизма. Часто это наивные и неопытные люди, которые каким-то образом потеряли веру (большую часть из них составляют очень молодые девушки) (Лиза Бахарева, героиня романа «Некуда», Лариса, героиня романа «На ножах»). Они идут другим путем. Кто-то глубоко проникся идеей нигилизма, кто-то имеет случайные отношения, даже не с нигилизмом, а с нигилистами. Но нигилизм уничтожает всех этих героинь. Писатель сочувствует этому типу героинь [44, с. 96].

Тип № 4: женщины со здоровыми моральными ценностями и открытой жизненной позицией (Женя Гловацкая в романе «Некуда», Александра Синтянина в романе «На ножах»). Эти героини выражают традиционную идею

женщины как хранительницы дома: жены, матери. Они не находятся вне активной социальной жизни, но им хватает характера, они не бездействуют, твердо стоят на земле и живут в соответствии с этическими принципами, проверенными веками, которые не противостоят уму и сердцу. Очевидно, симпатии писателя на их стороне.

Судьбы лесковских героев приобретают символический и общечеловеческий смысл и воспринимаются в своих «извечных» вариантах благодаря также библейскому фону. Лесков широко вводит в повествование библейские образы и сюжеты, цитаты и реминисценции, которые переводят конкретные ситуации в сферу общечеловеческих проблем. Например, в контексте романа «На ножах» символически воспринимаются «гравюры и литографии», развешанные по стенам в кабинете Иосафа Висленева. Как любой символ, эти библейские образы могут быть осмыслены многозначно. Мотив «поиски жены» (Ревекка встречается с рабом Исаака, посланным на поиски жены для своего господина) прослеживается во взаимоотношениях героев романа: Горданов – Глафира – Лариса; Висленев – Александра – Глафира; Подозеров – Лариса – Александра. Сюжет и образы легенды о Лаване, оставшемся без идолов, также вызывают определенные аналогии: Иосаф, обнаруживающий «полное презрение к преданиям»; Лариса, утратившая веру своих родителей и не обретшая новой веры; судьбы Горданова, Глафиры, Алины оказываются изломанными.

Лесков, создавая образы своих героинь, активно обращается к библейским сюжетам: в романе появляются образы Фамари, Марфы и Марии, Иудифи, Агари, Лии и Рахили, Иродиады. Они позволяют глубже проникнуть в женские характеры, благодаря им в тексте возникает ситуация «литературного ожидания». Но важнее всего то, что библейские образы как бы предлагают увидеть судьбы лесковских героинь в контексте вечной жизни человечества и общих для всех тем и проблем любви, нравственного выбора, ответственности людей друг за друга.

Один из самых емких библейских образов для Лескова – образ жены-мироносицы. Им писатель пользуется, создавая характеры праведниц Катерины Форовой и Александры Синтяниной. С женщиной-христианкой связывает Лесков свою веру в укрепление нравственных идеалов в жизни. Такое понимание роли и назначения женщины разделяют и героини романа. Отец Евангел говорит: «Женщины – это прелесть! Они наши мироносицы: без их слез этот злой мир заскорюз бы-с!» [18, с. 137]. Образы жен-мироносиц в христианстве символизируют верность и преданность, они воплощают понимание любви как взаимной жертвы.

Лесковские «светлые» герои – люди веры, они «творяют жизнь» и производят «нравственное действие в мире». Они «пламенеют желанием добра» (Н. В. Гоголь) и исповедуют религию добрых дел. В этом состоянии души – красота мира лесковских героев. В этом для писателя – залог духовного прозрения и нравственного исцеления России.

Создавая свой «полемический» роман «На ножах», Лесков жил ощущением того, что Россия больна, что Россия – на краю пропасти. Писатель создает страшную, фантазмагорическую картину жизни преступного общества, в котором разрушается все святое и творятся кровавые дела.

Тревожные и грозные образы-символы «на ножах», грозы, пожара (огня) помогают Лескову передать состояние общества, каким оно ему видится. В этой картине немаловажную роль играет образ обрыва, который интерпретируется и как пропасть, лежащая между добром и злом, и как бездна, поглощающая бесовские силы. Вероятно, поэтому мотив обрыва в лесковском романе переплетается с темой грядущего «Христового царства». Светозар Водопьянов пророчествует: «Иезекииль с Исаией пророком слышали, когда придет Христово царство.

- Оно же пришло: мы христиане.
- Нет, нет, тогда «все раскуют мечи на орала и копья на серпы». Нет, это не пришло еще.
- И не придет.

– Придет, придет, придет, люди станут умнее и будут добрее, и это придет» [19, с. 127].

Пропасть можно перейти, если сохранить в себе человека (существует апокрифическая легенда: два человека при рождении получили одинаковые кресты. Один нес свой крест достойно. Другой укоротил его, чтобы легче было идти. Но однажды путь им преградила пропасть. Сохранивший свой крест перекинул его через пропасть и перешел ее. Укоротивший свой крест не смог этого сделать и погиб). Р.Н. Поддубная считает, что «темным» силам в романе «На ножах» противостоит светлая Русь и добрые люди, живущие по «закону Христову» [30, с. 440].

Роман «На ножах» был остросовременным, спор о добре и зле спроецирован в реальную жизнь, противостояние света и тьмы приобретает социально-политический смысл. Но библейский фон романа (мотивы и сюжеты, образы и символы, цитаты и реминисценции) конкретно-историческую ситуацию переводит в область вечных философско-этических проблем. Иными словами, бурная полемика о путях развития России, столь явно высвеченная в лесковском романе, является в итоге лишь одной гранью философско-этического спора о смысле человеческой жизни, который и определяет глубину содержания романа «На ножах» [44, с. 90].

В романе Н. С. Лескова «На ножах» женский идеал воплощён в образе Александры Синтяниной. В системе этических и эстетических ценностей образ жизни героини органичен, в ней проявляется женская и духовная природа. Синтянина живет активной внутренней жизнью, ее духовная сила направлена на раскрытие божественного образа, определяющего ее поведение в семье и обществе. Сфера деятельности героини — семья. Ее жизнь вне политики, за пределами новых идей, она просто живет органично, следуя христианским этическим законам. Например, Александра благотворно влияет на других.

Героиня говорит непосредственно о себе, своем понимании любви и дома: «Я простая, мирная женщина; дома немножко деспотка: я не хочу удивлять, но только уж если ты, милый друг мой, если ты выбрал меня, потому

что я тебе нужна, потому что тебе не благо одному без меня, так (Александра Ивановна, улыбаясь, показала к своим ногам), так ты вот пожалуй сюда; вот здесь ищи поэзию и силы, у меня, а не где-нибудь и не в чем-нибудь другом, и тогда у нас будет поэзия без поэта и героизм без Александра Македонского» [18, с. 90].

Жизненная позиция Синтяниной сильно отличается от позиций героинь нового типа, представленных в романе образами Ципри-Кипри, Алины Фигуриной, Глафиры Акатовой, Казимиры и других. Для них брак — лучший способ удобно устроиться в жизни. Это ими говорится прямо, цинично. Деньги, власть, положение — кумир этих героинь.

Антиженский принцип в нигилистических образах является следствием отрицания Бога и неестественного состояния ума. Страсть героинь — это одержимость «новой идеей», которая, по словам автора, дается не Богом, а дьяволом. Для верующего принятие светской (мирской) идеи неестественно, равно как и выбор богатства, власти и чести в качестве цели жизни. Это проявление человеческого тщеславия. Тщеславие является ядром нигилистического содержания.

Говоря об Алине Фигуриной, которая ограбила своего отца, писатель постоянно прибегает к оксюмору, доводя ситуацию до абсурда. Так что во внешности героини есть явная дисгармония: героиня, обладающая красивой, достойной фигурой, вызывающая восхищение рассказчика, выделяется «уродливым коричневым лицом, усеянным сплошными веснушками» [18, с. 43].

Так же в ее описании наблюдается несбалансированность действий: прекрасно играя классические мелодии на пианино, героиня встает и ломает шею у попугая, вызывая, в духе времени, демонстрируя равновесие и железные нервы [18, с. 83].

Синтянина и Фигурина — образы антиподы, первая — «обычная» (то есть настоящая, истинная христианка), вторая — «материальная» (без Бога в душе). В романе Н. Лескова «На ножах» есть и другой тип женщин — «на

распутье» (Лариса Виселева). Христианское видение мужчины и вера в духовное спасение мужчины привели к тому, что русские писатели обратили особое внимание на тип женщины «на распутье», то есть в состоянии перехода от неестественного к естественному психическому состоянию. Образ Ларисы был понят писателем не только в результате социальных влияний, но и в результате некоторого религиозного и морального опыта. Судьба, поведение и поступки героини проистекают из столкновения ее новой теории «разума» и «бабушкиной морали» [48, с. 92].

Героиня отмечает: «В каком капризе судьбы и для чего родилась я на этот свет, и для чего я, прежде чем начала жить, растеряла все силы мои? Зачем предо мною так беспощадно одни осуждали других и сами становились все друг друга хуже?.. Где же идеал?.. Я без него... Я вся дитя сомнений: я ни с кем не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внушек. А где же живая душа с вечным движением вперед?» [19, с. 148].

Показывая свою героиню в неестественном состоянии ума, писатель вводит тему «потери молитвы». В критический момент своей жизни Лариса обращается к Богу, но забывает слова молитвы, слышит гром оркестра. Святой Теофан Пустельник свидетельствовал, что святые отцы называли молитву «дыханием духа». Один дышит телом — он живет; перестань дышать — и жизнь остановится. Так и дух. Есть молитва — дух жив, нет молитвы — нет жизни в духе. Забыв о Боге, Лариса умирает духом; ее душа не имеет Божьей благодати «Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности» [3, Рим. 8:9].

Метафора «духовной смерти» в творчестве Лескова раскрывается в преступлениях против морали, совершенных героиней: измена мужу, «двоемужие», предательство друга, участие в преступлениях Горданова. Героиня знает о своем греховном состоянии, но она не видит пути к спасению, потому что для нее «все бессильно, даже религия». Результатом ее жизни является самоубийство. Согласно христианским представлениям, преступление

этого греха состоит в том, что самоубийство нарушает творческий и провиденциальный божественный порядок.

Представляя образ женщины «на распутье» в романе «На ножах», Н. Лесков подтверждает концепцию духовного человека и христианские идеи спасения человека. Именно с женщиной связана вера писателя в духовное возрождение человечества, в торжество моральных идеалов.

Образ Александры Синтяниной символизирует идеи христианской любви, жертвенности, сострадания и милосердия. Генеральша Синтянина сильная, волевая, но нежная и скромная. Смысл ее жизни — служить людям (не случайно Лесков выбирает имя своей героини «Александра», что в переводе с греческого обозначает «защитница народа»). Она посвящает себя воспитанию глухой Веры (в то время как Вансок говорит: «Я не люблю детей» [18, с. 229]), лечит Андрея Подозерова, раненного в поединке, оказывает любезное влияние на генерала, а в молодости Александра совершает моральный подвиг: она спасает любимого человека, Висленева, вступив в брак с нелюбимым. Эти секреты сохраняются на протяжении всей ее жизни. До этого мы могли только догадываться: свадьба с генералом, неожиданные новости об освобождении Висленева, удаление его компаньонов на некоторое время в отдаленные провинции вместо Сибири [18, с. 111], неожиданное сближение матери Висленева и Александры [18, с. 112].

Жизнь Синтяниной на хуторе, любовь и близость к природе подчеркивают ее чистоту и преданность традициям. Вансок далека от природы, кроме практических интересов (эксперименты с лягушками).

Синтянина заслуживает глубокого уважения. Лесков указывает на ее скромность, семейственность и стремление к Богу. В описании образов нигилистов, напротив, все отвратительно: внешность, мысли, их отношения с окружающими, среда, в которой царит тщеславие и обман.

Таким образом, библейский фон романов «Некуда», «На ножах» отражает судьбы лесковских героев, которые приобретают символический и общечеловеческий смысл. Лесков широко вводит в повествование библейские

образы и сюжеты, цитаты и реминисценции, которые переводят конкретные ситуации в сферу общечеловеческих проблем. В романе выстраиваются два ряда нравственно-эстетических представлений, свойственных русской духовности, делящих мир на две стихии – свет и мрак. В соответствии с этим организовано художественное пространство романов «Некуда» и «На ножах»: в них последовательно проводится противопоставление добра и зла, света и тьмы, тишины и хаоса, души и тела, небесного и земного.

Характеристика нигилистов в романе «Некуда» очень сложна, изображаются они по-разному: как силы зла, наводящие на мысль о дьяволе (иногда это носит зловещий, иногда – комический характер), – когда, например, Арапов и Бычков мечтают залить страну кровью; как некое подобие религиозной общины – на страницах, посвященных Дому Согласия (здесь неизменно присутствует ирония, так как реальный Дом весьма далёк от задуманного нравственного и социального идеала); как подлинные подвижники идеи – когда речь идёт о Помаде, Райнере, Лизе (здесь уже, как правило, нет иронии, а звучат трагические ноты). Автор видит неоднородность, многослойность революционного движения. Возникновение этого движения, его идеологии он связывает с поиском интеллигенцией не просто общественной позиции, но целостного, по существу – религиозного мировоззрения, определяющего всё человеческое поведение и человеческую жизнь на всех её уровнях, с поиском «новой веры», «царства правды».

РАЗДЕЛ 3.

ТЕМА БЕСОВСТВА И ЗНАКИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ В РОМАНАХ «НА НОЖАХ», «НЕКУДА»

3.1. Мотивы бесовства, сумасшествия, безумия, игры, маскарада, приём маски

Заслуживает внимания авторское определение мира зла в названиях частей и глав романа. Пятая часть, в которой говорится о Висленеве, Горданове, Глафире, вполне определенно называются: «Темные силы». Следующие символические заголовки также включены в общий символический контекст романа: «Бездна призывает бездну», «Не перед добром», «Под крылом у темной ночи», «Черный день», «Черная немочь», «В черном цвете».

Герои романа «На ножах» сами чувствуют «темные силы». Висленев говорит: черт знает, как нас называть? ... мы какие-то темные силы, из которых неведомо что выйдет» [19, с. 127]. Но согласно древним этическим представлениям, тьма порождает зло, в христианской мифологии зло воплощается в образах сил тьмы: демонов, дьяволов. Тема демонизма органично включена в роман «На ножах», развивающаяся в системе символов, ключевых слов и т. д., разбросанных по всему тексту. Эта система «знаков» наиболее полно реализована в образе Павла Горданова. «Демон» [18, с. 158], «темный человек» [19, с. 165], «шишимора» [18, с. 113] — так его описывают окружающие. Сам герой чувствует демоническое начало: «Он чувствовал, что он становится теперь какой-то припадочный... им овладевает бес» [18, с. 230].

Горданов одержим злым духом, отделен от Бога, лишен веры в Бога и человека. И.В. Столярова считает, что «человек, который на своем нравственном недуге, на своей злобе и безумии основывает свое право действовать и переделывать мир по-своему, такой человек... по самому существу своему есть убийца; он неизбежно будет насиловать и губить других,

и сам неизбежно погибнет от насилия» [50, с. 420]. Горданов также убийца: он убил Бодростина, Ларису, он убил Иосифа, Катерину Форову; вокруг Горданова есть зло и тьма, безнравственность и жестокость, которые, по словам Лескова, возникают из нечестия.

В романе тема сумасшествия, безумия связана с темой демонов. Горданов сумасшедший в своих планах, Глафира и Иосиф безумны [18, с. 337]. Тема безумия получает христианское оправдание в романе: безумие от злого духа. Героиня романа Лариса Висленева говорит: «Во мне бушует Саул при приближении Давида» [19, с. 315]. Первая Книга Царств (XVI, 14-23; XVIII, 6-30; XIX, 1-17) гласит, что даже при упоминании имени Давида злой дух приводил Саула в ярость. Та же мысль звучит в уже цитированной фразе.

Тема демонизма в романе «На ножах» превращается в тему маскарадов, игр, масок. В начале романа эта тема выражена в диалоге Висленева и Горданова: «ты интригуешь, как на маскараде» [18, с. 142]. Горданов рассматривает жизнь людей как игру, участники которой замаскированы [18, с. 147]. Но для Лескова важно показать, что «темные» герои играют жизненные роли, выглядят как оборотни, маски и внутренняя сущность персонажей не совпадают.

Иосиф Висленев сыграл много ролей в своей жизни. В молодости это была роль нигилистического писателя [18, с. 239]. Этот период жизни Иосифа называют «непрерывным дурачением» [18, с. 240]. Затем герой играет роль «Алинкина мужа», прибывает в свой родной город как «маска для предстоящих дел всякого рода» [18, с. 303]. Путешествуя с Глафирой, Иосиф играет роль спирита [19, с. 91]. Он возвращается в Россию в маске: «что это за маскарад? Для чего это вы изволили окраситься в эту вороную масть и расписали себе родимыми бородавками фронтон?» [19, с. 150]. Последняя роль Висленева — это роль сумасшедшего, которую он исполняет с такой эффективностью, что его признают таковым [19, с. 378].

Актрисой по жизни была Глафира Бодростина. Горданов справедливо говорит о ней: «Она могла быть всем» [18, с. 138]. Роль Глаши Акатовой была

заменена на роль Глафиры Васильевны Бодростиной: «И как она в свою роль вошла! говорят, совсем природная дюшесса, герцогиня» [18, с. 138]. В момент заговора героиня входит в новую игру: «Игра начинается большая и опасная!» [18, с. 206]. Он умело руководит своей ролью, превращая маски в мизансцены: Глафира играет по-разному, имея партнерами мужа, Горданова, Ропшина, Висленева, Водопьянова, Форова, Синтянина. Ее игра настолько вдохновляет, что только нравственно чувствительные люди чувствуют ложь в поведении Глафиры. Так, героине не удалось сыграть роль призрака, которого она хотела сыграть до Водопьянова [18, с. 403]. Александра Синтянина понимала, что Глафира играет с людьми: «все это у нее выходило так натурально, что хотелось любоваться этой артистической игрой» [19, с. 262].

«Темные» герои романа остаются в масках и наедине друг с другом. Только однажды Глафира и Иосафа были честны друг с другом: «Они оба внезапно сняли маски» [19, с. 128]. Тема маскарада, маски позволяет Лескову раскрыть недостаток духовности и неискренность «темных» людей: у них нет судьбы, кроме ролей, не лица, а маски. Это оборотни, живущие в ожидании «плохих дней» [19, с. 132], «неизвестных сил невидимого мира» [197, с. 139]. В образах Горданова, Глафиры Бодростиной и Иосафа Висленева художественно воплощено утверждение Евангелия: «злой человек из злого сокровища выносит злое» [3, Мф. 7, 35], другими словами, тут присутствует идея «гуманизации» человека, которая всегда беспокоила Лескова.

Тема игры многомерна в романе «На ножах». Одной из звучащих тем является тема «жизнь — игра»: игра в карты [18, с. 206, 220, 223, 238, 242], игра в шахматы [18, с. 241, 248, 256], игра на фондовом рынке [18, с. 255], игра в сражение [18, с. 263, 267], игра для детей [18, с. 273, 407]. Жизнь — это игра, а ставка — это человек. Так «темные» герои романа Лескова воспринимают жизнь. Такое восприятие жизни противостоит серьезному отношению «светлых» героев романа, символически выраженному в мотиве «чаши жизни», проходящей через всю историю повествования. На первых страницах работы этот мотив появляется в неточно воссозданных словах молитвы Иисуса Христа

в Гефсиманском саду за ночь до казни: «да мимо меня идет чаша сия» [3, Мф. 16, 39]. Этот мотив содержится в исповедальном письме Александры Синтяниной [18, с. 430], и здесь его осложняет евангельское понимание жизни как «ига, которое благо, и бремя, которое легко» [3, Мф. 11, 30].

Мотив «чаши жизни» в романе сочетается с мотивом «Страшного Суда»: «дня смертного и дня страшного суда, на котором обнажатся все совести и обнаружатся все помышления» [18, с. 433].

Создавая свой «полемический» роман, Лесков чувствовал, что Россия больна, что Россия находится на грани неопределенности. Автор создает ужасную, фантазмагорическую картину жизни преступного общества, в котором разрушается все священное и возникают кровавые поступки. Тревожные и грозные изображения-символы в романе «На ножах» — штормы, огонь помогают Лескову передать состояние общества, которое он видит. Важную роль играет образ обрыва, который интерпретируется и как бездна добра и зла [3, Лк. 16, 26], и как бездна, поглощающая демонические силы [3, Мф. 32, 82]. Вероятно, именно поэтому мотив утеса в романе Лескова переплетается с темой предстоящего «Царства Христова».

Ссылаясь на древнерусские источники, мы можем выделить в романе Н.С. Лескова «На ножах» две сюжетные линии, характерные для развития демонологических мотивов: сюжет «принудительных слуг», то есть одержимых, и мерцающий сюжет о сделке между человеком и дьяволом. Внедрение мифологии «огненной реки», «огненного змея», стилистическая тенденция сцены разговора Насти и Домны, напоминающая заговор, способствует многократному «подчеркиванию» греховности жизни. Поведение Насти повторяет поведение одержимых, описание которых содержится, например, в «Истории Соломонии» [44, с. 122].

Мотив демона в творчестве Лескова претерпевает значительные изменения. Он перестает быть фактом духовной силы героя, который, преодолевая махинации дьявола (что характерно, например, для агиографии), проходит и находит путь к покаянию и спасению. Эта тема связана с темой

греховной любви, необычной для агиографии. Греховный путь Ларисы Вмсленевой, «невольной грешницы», заканчивается ее смертью. В романе мотивы, которые нас интересуют, не обозначены, они не разработаны, но привлекают внимание своей «разницей» и «инверсией» по сравнению с традицией.

В романе Лескова нет повода для добровольного заключения договора между героем, который является отступником, и демоном. Контракт заключается между героями, помеченными как «демоны» (Глафира — «демон», Горданов — «темный ангел», Иосиф — маленький «демон»). Цели, которые они преследуют, полученные результаты отражают поведение человека, заключившего сделку с дьяволом.

Тема безумия, которая неоднократно появляется в романе коррелирует со сложной мотивацией «разорвать соглашение» (брачный контракт Висленева с Алинкой расторгнут в связи с «безумием» героя). В романе Лескова другое исполнение традиционного блока мотивов раскрывается как способ заключения договора. Местом встречи и заключения сделки может быть дом, гостиница, комната, топос, изначально соразмерный человеку, который не есть «нечистым». Методы связи — записка, письмо, полученное по почте или прислужгой, то есть методы, в которых исключен любой магический эффект. Мотив отвержения семьи и племени в романе незаметен: по многим причинам семейные узы были разорваны естественным или насильственным путем (отравление, убийство Бодростина) [56, с. 6].

Намек на сюжет о договоре между человеком и дьяволом проявляется в сюжете «Александра Гриневиц — Синтянин». Брак персонажей, отмеченный автором как «праведный», является нетрадиционной версией развития сюжета и его мотивационных комплексов. Под влиянием своей правильной жены Синтянин приходит к покаянию и желанию избавиться от своей дьявольской природы. Это истечение срока одного заговора (о договоре с дьяволом) и производство другого — о покаянии демона [56, с. 8].

По мнению автора, традиционные мотивы (героическое безумие, демонизм) так же получают христианское оправдание. Они могут сочетаться с другими мотивами, приобретая новое значение: демонизм превращается в игру, маскарад.

Образы огня, шторма и огненных символов, которые передают состояние общества, которое видит Лесков, общества, в котором распадаются идеалы, приобретают особый смысл. В целом библейские образы и символы переводят конкретную историческую ситуацию в сферу вечных философских и этических проблем [24, с. 104].

Демонические знаки в антинигилистическом романе являются неким выражением авторских ценностей в мировоззрении. Цвет (черный, синий) является символическим, что является синонимом дьявольского начала. Анимистическая «подсветка» персонажа (огненная змея) и тип персонажа неестественны, что также важно, не различается добро и зло.

Кроме того, персонажей также отличает особая модель поведения, соответствующая слову «дьявол»: клеветчик, соблазнитель, игрок, клоун. Безумие героев также демоническое, их поведение часто — игра, а внешность — маска. Герои наделены особым типом сознания — не нравственно ориентированным, а нерелигиозным, потому что для них характерно неверие, гордость, что в конечном итоге приводит к падению личности. Обновление демонических знаков и перформансов зависит от степени предубежденности автора, его стремления раскрыть нигилизм. В общем, герои романа, баланс сил, символические образы (огонь, вода, шторм), демонические силы анализируются в универсальных категориях добра и зла [44, с. 34].

Герои романа (Подозеров, Александр Синтянин, Форов, Лариса, Висленев, Горданов, Глафира Бодростин и др.) изначально не мифологичны, т. е. заняты решением материальных проблем: служением, деньгами, мошенничеством, властью, любовью. Таким образом, и праведные (Подозеров,

Синтянин) и грешники (Горданов, Глафира, Вислениев) оказались в одном ряду из-за их оторванности от сверхъестественных сил.

3.2. Демоническое начало в образах нигилистов в романах «Некуда» и «На ножах»

Демонический мотив и признаки злых духов органично вошли в содержание и поэтику антинигилистских романов и соотносились с образами нигилистов. При их создании вся ассоциативно-синонимичная серия «злых духов» используется явно или косвенно, порождая некоторые семантические интерпретации.

В «Русском словаре демонов» говорится, что есть много «нечистых», и их имена также неисчислимы. Вот некоторые из них: «агорянин (огарянин), анчутка, банник, бес, блазнитель, вельзевул, водяной, ворог, враг, вражья сила, гуменник, дворовой, домовой, дьявол, игрец, идол, кикимора, кромешный, левый, лембой, лесовик, леший, летучий, лихой, лукавый, мара, морока, недобрик, недобрый, недруг, неистовый, неключимая сила, некошный, неладный, нелегкая сила, нелегкий, немытый, не-наш, несветик, нехороший, нечестивый, огненный змей, окаянка, окаяшка, он, пара, полевик, пралик (пралич), родимец, русалка, сатана, супостат, супротивник, тот, хозяин, хохлик, черная сила, черт, шайтан, шехматик, шиликун, шиш, шишига, шишимора, шут, шутошка, яшка» [цит. по: 44, с. 119].

Синонимы злых духов используются создателями антинигилистических романов, для именованя нигилистических героев. Нигилист Арапов, герой романа «Некуда» (1871), отмечен как «демон» и «злодей» [17, с. 360], «жулик» [17, с. 362], «вор» [17, с. 366]. «Дьяволы» — Белоярцев и Завулонов [17, с. 28].

Герои романа Н.С. Лескова «На ножах» (1870-1871) чувствуют «силы тьмы». Иосиф Висленев утверждает: «...черт знает, как нас называть? <...> мы... мы какие-то темные силы, из которых неведомо что выйдет» [19, с. 127]. Глафира Бодростин для него «темный дух» [19, с. 137]. Героиня-

нигилистка живет одна в ожидании «лукавых дней» [19, с. 132], а в своих сообщниках она видит «темных ангелов» [19, с. 142]. Позитивный герой романа Андрей Подозеров говорит о Горданове и Висленеве, что их «лукавый спутал» [19, с. 308]. Также важны характеристики рассказчика: «неведомые силы незримого мира» [19, с. 139].

Система демонических знаков наиболее полно воплощена в описании Павла Горданова: «демон» [18, с. 158], «темный человек» [19, с. 165], «шишимора» [19, с. 113].

Присвоение имени нигилистическому герою в антинигилистическом романе — это знак, содержащий оценку автором своей личности, своего сознания, раскрывающую несоответствие между позицией автора и позицией героя.

В антинигилистическом романе на фоне признаков злых духов символика цвета приобретает дополнительный смысл. Предположим, что постоянное упоминание о синих очках нигилстов не случайно: Пулларов — в синих очках, прапорщик Кошкаданов — в синих очках, Левиафан — в синих очках и т. д. — потому что дьявол «синий».

Тем не менее, черный цвет действительно функционален в описании внешности нигилиста, в вызове героя, в восстановлении окружающей среды и т. д. Дьявол в русской демонологии — это «черная сила», «король тьмы», «шаг», «свет», «черный шут», «князь тьмы». Демоны, дьяволы и черти живут в аду — абсолютно темном и холодном месте. В облике героя романа Павла Горданова «На ножах» автор различает «черные глаза», «совсем без блеска», «черную бороду» [18, с. 131], «траурный бархатный взгляд» [19, с. 135].

Лесковские герои тьмы изобретают и осуществляют свои мрачные и зловещие планы в сумерках и темноте ночи. Борьба света и тьмы сопровождает колебания Юзефа, который планировал ограбить Горданова ночью [18, с. 156]. В роковую полночь Глафира появляется из тьмы [18, с. 164]. Ее окружает тьма, одетая в черное [19, с. 29, 121, 368]. Героиню называют «траурной Бодростиной» [19, с. 104], «черной и коварной женщиной» [19, с.

159], «темным духом» [19, с. 137]; ее жизненный путь — «темный путь» [19, с. 401].

Черный цвет феноменально определяет зло как принцип, который нарушает полноту бытия, символизирует мир зла, грусти, скорби и смерти. Соотношение черного с демоническими знаками в антинигилистических романах логично и приводит к выводу, что для их авторов мир темных сил является антимиром. Силы зла и тьмы, воплощенные в образах нигилистов, разрушают гармонию мира, добра и света, они призваны из тьмы подземного мира, вредят людям и толкают их ко злу.

Одним из традиционных методов создания нигилистического образа является сходство или выделение анималистических признаков. Здесь также играют роль злые духи: дьявол — это «огненный змей», «красивый хвост», «рогатый», «змея».

Конечно, нельзя утверждать, что сходство животных с образами нигилистов вдохновлено только демонологическими представлениями. Хотя у всех демонов есть рога, руки, ноги, хвост, большие когти на руках и ногах». Средневековые изображения дьявола были разнообразны: дракон, змея, полуживотное животное с головой быка и рогами, с копытами кабана или свиньи, с признаками льва, напоминающего рычащего зверя, способного проглотить добычу, с фигурой обезьяны или когтями хищной птиц. Дьявол предстает перед человеком только по чьему-то подобию (человек, зверь, рептилия, птица — за исключением петух [33, с. 89].

В то же время животные параллели важны в антинигилистическом романе, ядром которого являются философские дебаты о природе человека: человек — животное или человек — храм Божий. Здесь концепция духовного человека противопоставляется рационалистической модели человека как рационального, социального и биологического существа. Полемика с антихристианскими представлениями о человеческой природе привела к вниманию к «духовно-созданной» оппозиции в человеческой природе, которая была художественно реализована не только в содержании произведений (как

предмет обсуждения героев, в образе самопознания героев, в формулировании вечных проблем человеческой жизни), но и в способе создания художественных образов [33, с. 90].

Фигура героя-нигилиста (мы считаем ее одним из способов воплощения содержания художественного образа) соответствует синонимам сходства: дьявол является «грубым», «злым», «безумным». Например, известие о предстоящей встрече с Виселевым и Гордановым («На ножах») вызывает беспокойство в мирном провинциальном городе: «Это грубо!» — мелькнуло в глазах Ларисы [18, с. 122]. При упоминании имени Горданова появилось слово «рок»: «Вот так будет называться ваш рок!» — восклицал майор» [18, с. 123].

В романах Лескова, в свете христианской антропологии, проблема человеческой природы концептуализирована. Широко известное выражение «человек по своей природе хорош» не противоречит христианской доктрине. Человек, сотворенный по образу и подобию Божьему, хорошо вышел из рук Творца. По своей природе он делает то, что правильно: «Когда язычники, у которых нет закона, делают то, что законно, тогда без закона они сами являются законом: они показывают, что причина закона написана в их сердцах, о чем они свидетельствуют о своей совести и мысли [3, Рим. 2:14, 15].

Природа человека — это его душа. «И Бог сотворил человека из праха земного и вдохнул жизнь в лице, и человек стал живой душой» [3, Быт. 2: 7]. «Живая душа» проявляется в способности человека различать добро и зло; совесть, воля и энергия являются неотъемлемыми элементами.

Лесков создал в романе «На ножах» своего рода «неестественную личность» по подобию нигилиста Иосафа Висленева. В свете христианской антропологии человек без природы — это человек без души, то есть без дара распознавания добра и зла, без духовных качеств, которые помогают ему перемещаться по миру.

Идеалы, моральные принципы, совесть растворяются в безнравственности героя Лескова и превращают его в грубого человека, «разборчивого и тщеславного» [18, с. 216], пренебрегающего «миром и

счастьем других» [18, с. 427], способного «доставить страдания» многим [18, с. 108].

Однако «необходимость учитывать что-то новое и модное» [18, с. 427], «беспокойное воображение», которое «покорило разум и заменило чувства» [18, с. 428], «легкомысленное неуважение ко всему, что вызывает уважение к человеку своего рода [18, с. 427], «полное презрение к традиции» [18, с. 136] превращает Иосафа в «сумасшедшего» или, по словам рассказчика, «насильника» [18, с. 216], он, устраняя все препятствия на пути, стоит на дороге отрицания и разрушения.

Лесков запечатлел крайнее проявление типа «неестественного человека» в образе Павла Горданова, в которой «нежные чувства не нашли места» [18, с. 215]. После объявления новой доктрины «негилизма» Горданов призвал к борьбе «с миром хитростью» [18, с. 216].

Образ Горданова воплощает созданное человеком состояние, в котором он полностью подчиняется слабости и греху, а не Богу. Горданов — падший человек, в котором нарушена гармония тела и духа, и который более подвержен злу. Лишенный божественной души, он лишен воли помочь победить зло. Отсюда — произвол, гордость, которые доминируют в содержании образа Павла Горданова.

В нем — «гордость, сатанински воспрянувшая» [19, с. 219]. В этом отношении значимой является фамилия героя. Она, вероятно, происходит от слова «гордан» — гордый человек. Одно из значений слова «гордый» — это тот, что стоит выше всего. Религиозно-нравственная оценка человеческой гордости содержится в популярных пословицах: «Смиранных Господь духом спасает», «Во всякой гордости черту много радости» и т. д. Человеческая ущербность проявляется в гордости: «В убогой гордости дьяволу утеха». Лесков подчеркнул это, выбрав имя герою, Павел, что в переводе с латыни означает «маленький».

Горданов одержим манией величия. Он провозгласил себя создателем новой доктрины — «негилизма», чувствуя себя апостолом. И в этом отношении

имя героя «говорит»: еврей Саул стал новым человеком, уверовавшим во Христа, и начал называть себя Павлом.

В этом образе автор различал «сперва гордость сатанинскую, потом глумление» [19, с. 462]. В романе есть намек на то, что гордость Горданова исходила от демона: характерно описание соборования героя: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом, что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [19, с. 584].

Нигилизм продемонстрировал смелость и произвольно назначил право на власть, считая свое мнение единственно верным. Он также присваивает ужасное право «место расчистить».

Лейтмотивом содержания образа Белоярцева (роман «Некуда») является злоба. Он «злобно отмалчивал» [17, с. 92], «выступала на лицо вся его злоба» [17, с. 98], у него «злобственная усмешка» [17, с. 99], он «побагровел от злости» [17, с. 29], «закипавшая в нем злость» [17, с. 29].

Отметим, что гнев — это чувство, которое преобладает у Белоярцева: «Я чувствую только скуку и гнев» [17, с. 524]. Даже страсть героя — это страсть, «напоминающая злобу» [17, с. 504], «враждебное» чувство [17, с. 569]. Гордость и гнев порождают ненависть в душе персонажа: он признается, что ненавидит многих [17, с. 525] и «ненавидит последнего человека» [17, с. 526]. Не случайно «лицо его друга казалось таким зловещим» [17, с. 527].

Характер нигилистического героя, грубого человека, соответствует типу его сознания, который можно назвать моральным неориентированным и нерелигиозным. Атеизм — это отсутствие идеалов (духовных ценностей), которые ведут человека по жизни. Отсутствие идеалов означает следование по пути отрицания. Это «механизм» нигилизма. В.Г. Авсеенко считает, что атеизм ставит человека над Богом, признает самодостаточность человека: «самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное

право и стремящееся, в силу этого права, овладеть обществом» [1, с. 398]. В неверии выражается гордость, это отречение от Бога.

В романе «Некуда» один из нигилистов с демоническими чертами — Арапов («все посетители обращались к Арапову как к наставнику или главе; они излагали ему свои сомнения, повергали их на его суд» [17, с. 25]. Апостольский мотив «нового человека» развивается в дилемме романа «Некуда». Общество слушало Арапова «с весьма странною верой и раболепным благоговением. Он давно уже привык почитать себя каким-то избранником, гением, оракулом, пророком, вещания которого решительны и непогрешимы» [17, с. 97]. Арапов среди «своих» есть в ранге какого-то идола, полубога. Ведь ему здесь все поклоняются. Он Бог для нигилистов.

В антинигилистических романах одной из стереотипных сюжетных ситуаций является любовная ситуация, в которой герой-нигилист раскрывает себя как соблазнитель девушки: Полояров — Анна Лубянская («Кровавый пух» Вс. Крестовского), Волохов — Вера («Обрыв» И. Гончарова), Благосмыслов — Анна Барсукова («Меж двух огней» М.В. Авдеева) и др.

В романе герой-нигилист часто выступает как «безбожник» и «клеветник»; ситуация доноса нигилистов также становится стереотипной: Полояров доносит на Устинова, Малгоржана, самого себя; Горданов доносит на Висленева; граф Бронский доносит на членов провинциального светского кружка («Марево» В. П. Ключеникова) и т. д.

Иосаф Висленев, «безнатурный» герой романа Лескова «На ножах», арестованный «по политическим вопросам», предал своих коллег. «Безнатурный» человек опасен для любого дела, в том числе политического: такие люди, по словам Лескова, совершают «осквернение святых идей» [18, с. 311] и готовы превратиться в воров и обманщиков, когда появляется такая возможность. Лесков, вероятно, не случайно сочетает в своих высказываниях термины «сакральное — священное» и «профанное — мирское». Духовный человек, или наделенный моральным чувством природы, способен достичь гармонии мирского и духовного и даже освободиться от

кошунственной реальности и понять священный смысл человеческого существования. Наоборот, недуховный человек погружен в сферу материального существования, реальность в ее низших проявлениях похожа на такого человека. Лишенный моральных принципов, духовных ценностей, отделенный от Божественности, нигилистический герой не может понять полноты добра и действует только на основе зла, поэтому он совершает злые дела и поступки.

Из-за его «безнатурности», без характера и идеализма, нигилистический герой подвержен трансформации (метаморфозам). В антинигилистических романах нигилистический образ часто меняет картину. Обманщики и лицемеры не всегда являются теми, кем они себя называют. Мотив дуальности является одним из постоянных в романах этого направления.

Множество ролей сыграл в жизни Иосаф Висленев, герой романа «На ножах»: «продолжительным кривляньем» [18, с. 240] назван период, когда он был нигилистом-литератором; затем были роли нигилиста-политика («глупые мальчишки, играющие в социалисты» [18, с. 283], «Алинкин муж», «маски для предстоящих дел разного рода» [18, с. 303], роль мажордома («лакейская роль» [19, с. 110], «унизительная роль» [19, с. 111], «низкая роль» [19, с. 115].

Самая постоянная роль Иосафа — шут [19, с. 114, 115, 181, 226, 275]. Шут — общее название всякой нежити, это бес, черт, толкающий людей к дурным поступкам. Последней ролью Иосафа была роль сумасшедшего, которую он разыграл по возвращении из-за границы и столь успешно, что его и признали таковым.

Тема безумия (сумашествия или одержимости) связана с темой демонизма. Горданов («На ножах») присоединяется к демону: «Он чувствовал, что он становится теперь какой-то припадочный. им овладевает бес, он не может отвечать за себя» [18, с. 230], «его долго-долго терзал и давил злой демон — его дальновидность» [18, с. 238].

Конечно, одержимость нигилистического героя злым духом («черт вселился», «черт попутал») в антинигилистических романах определяет такое

состояние, в первую очередь, намекая на тип сознания героя: неверие и отсутствие идеала. Демон действительно может прийти в такого человека: он не просто «отвык от молитвы», он безбожник.

В этом отношении оправдано, что одним из самых распространенных слов в словаре нигилистического героя является слово «черт». Слово «черт» часто или постоянно произносят персонажи романа Лескова «На ножах» Горданова и Висленев.

Вспомнить дьявола, обратиться к нему, отправить его в ад — значит призвать темные силы, темных духов: «Дьявол может в любой момент вмешаться в его (человеческое)» [30, с. 420]. Дьявол вездесущ, поэтому ты не можешь его вспомнить. Дьявол борется с Богом за человека, и битва другая. Неверующий, слабый, сомневающийся человек становится легкой жертвой дьявола, сил дьявола.

Человек, одержимый злым духом, подобен темным силам: «У него черт в подкладке, сатана в заплатке», «Душой кривить — черту служить». Обняв человеческое тело, демон лишает его раз ума [30, с. 429]. Вот почему в антинигилистических романах строго обозначены миры добра и зла, света и тьмы. «Неведомые силы незримого мира» [19, с. 139] противостоят человеческому миру.

Антинигилистские романы связаны с образами нигилистов и осознанием автора их трагически вредных действий по отношению к России. В романе Лескова «На ножах» также указан этот мотив: такие люди, как Горданов и Висленев, «мутят, путают» [18, с. 320] окружающих; с этим мотивом связаны ключевые слова, разбросанные по всему тексту и связанные с различными персонажами и ситуациями («водит за нос» [19, с. 161], «путаешь и напутала» [19, с. 174], «путаница» [19, с. 175], «позапутался» [19, с. 230], «водит вас за нос» [19, с. 237], «замутив» [19, с. 239], «попутало его» [19, с. 301], «переплетало и путало» [19, с. 377]. Наконец, в эпилоге прозвучала мысль о «делах, запутанных человеческим бесстыдием и злобой» [19, с. 387].

Систематизация демонических знаков в антинигилистических романах позволяет сделать вывод, что писатель активно участвовал в «дебатах о Боге или демоне» [18, с. 18], соотнося их с современными (философскими, идеологическими, политическими, этическими проблемами).

Лесков рассматривал нигилизм как проявление атеизма и моральной путаницы сознания «новых людей». Глядя на человека и его мир ценностей, создатели антинигилистических романов заметили, как нигилизм разрушает гармонию человеческой личности.

Опасность нигилизма была признана, прежде всего, в моральной и духовной сфере: «Идеи, разносимые нигилизмом, чрезвычайно понравились малообразованному обществу, потому что они решительно ничего от человека не требовали и только льстили всякой разнузданности его посягательств, возводили эту разнузданность чуть не в священный догмат. Своеволие, самодурство и безответственность стали единственным критерием правды, добра, честности, убеждения, развития, мышления», — так категорично, но честно написано А. Незлобиным. — Вот почему «натурализм или эквивалентный позитивизм никогда не могут соответствовать требованиям» человеческого духа. Это убеждение становится решающим в философских дебатах о природе человека в антинигилистических романах: в этом суть авторской позиции по отношению к мировоззрению ценностей [23, с. 68].

Нигилистическое сознание в антинигилистических романах чуждо авторскому сознанию. Это в первую очередь неприемлемо и ущербно с точки зрения автора. Позиция автора в соответствии с мировоззрением ценностей в антинигилистических романах выражается, в частности, в строгом и четком определении мира добра и мира зла, в названии носителей добра и зла.

В изображении нигилистов, похожих на мир зла (антимир), Лесков довольно активно использовал демонологические представления и образы, основанные на противопоставлении Христа и Антихриста, света и тьмы, небесного и земного, духовного и сотворенного.

Стремление Н.С. Лескова к сатирической карикатуре по отношению к нигилизму (что, по-видимому, вполне оправдано ситуацией спора с революционно-демократическим романом о «новых людях») привел к насыщению демоническими знаками. Демонический синонимичный ряд соотносится с изображением внешности, характера, поведения нигилистического героя, способствует характеристике его типа сознания, выявлению отношений с обществом. Конечно, причиной этого явления является не только желание убедить. Мы полагаем, что самые глубокие причины кроются в понимании писателем христианской антропологии, теоморфизма, гартирологии и эсхатологии через призму популярных верований и идей. Важным обстоятельством является ориентация Н.С. Лескова на национальные традиции, характер и сознание.

Таким образом, мотивы бесовства, сумасшествия, безумия, игры, маскарада и знаки нечистой силы органично входят в содержание и поэтику антинигилистического романа «На ножах», они соотносятся с образами нигилистов и «заблудившихся натур». В их создании Лесков откровенно или опосредованно использует весь ассоциативно-синонимический ряд «нечистой силы», порождающий определённые смысловые толкования и вызывающий соответствующие догадки у читателя.

Систематизация демонических знаков в романах «Некуда» и «На ножах» позволяет сделать определённый вывод о том, что писатель активно участвовал в споре о Боге и демоне, соотнося его с современными (философскими, идеологическими, политическими, этическими проблемами).

В изображении нигилистов, соприродных миру зла (антимиру), Лесков достаточно активно использует демонологические представления и образы, в основе которых лежит оппозиция Христос и Антихрист, свет и тьма, небесное и земное, духовное и тварное.

ВЫВОДЫ

Литературная ситуация 1850–1870-х годов обусловлена контекстуальным содержанием, а именно: содержанием актуальной философско-религиозной полемики. С одной стороны, увлеченность части российского общества «новыми идеями» (атеистическими, позитивистскими, материалистическими), с другой стороны, стремление другой его части упрочить национальные ценности, смыслы и значения, бытующие в русле тысячелетней православной духовной традиции, формировали, по сути дела, содержание и структуру литературной ситуации. Философско-религиозная полемика спровоцировала эстетический спор о природе и назначении искусства, литературно-критическую полемику, но, главное, стимулировала развитие двух ветвей русской литературы: одной – ориентированной на социально-демократические идеи и идеалы, другой – на традиционные христианские ценности и смыслы.

Поэтику романов «Некуда» и «На ножах» можно определить как знаковую, поскольку в этом произведении целенаправленно обозначаются миры добра и зла.

С изображением сил зла в романе «На ножах» связан мотив маскарада, театральности, оборотничества (силы зла – столичные революционеры). Образы «чистых нигилистов» отмечены чертами праведности (Лиза Бахарева, Женни Головацкая, Райнер, Помада), с этими образами связаны важнейшие идеи христианско-этической концепции Лескова. Для решения художественных задач Н.С. Лесков в своём романе, наполненном нравственно-религиозным содержанием, использовал язык символов.

Судьбы лесковских героев приобретают символический и общечеловеческий смысл и воспринимаются в своих «извечных» вариантах благодаря библейскому фону романов «Некуда» и «На ножах». Лесков широко вводит в повествование библейские образы и сюжеты, цитаты и реминисценции, которые переводят конкретные ситуации в сферу общечеловеческих проблем.

Знаки-символы нечистой силы – не случайное или эпизодическое явление при создании образов нигилистов в произведениях. Они используются продуманно и системно. Все структурно-композиционные элементы образа нигилиста: имя и прозвище героя, портрет, цветовая гамма в описании внешности и бытовой обстановки, характер, указания на тип сознания, модель поведения (поступки), речь, – последовательно соотносятся с синонимическими именованиями беса.

«Говорящие» имена и фамилии (Павел Горданов), именования («чёрт», «шишимора», «лукавый», «демон», «вор», «бес», «разбойник» и т. д.), детали в описании внешности (нечесаный, неумытый, лохматый, грязный, косматый и т.д.), чёрный цвет, соотнесённый с героем, – стереотипные приёмы карикатурного изображения нигилиста, воспринимаемые знаками-символами. Вместе с тем они концептуально значимы, так как указывают на то, что герой принадлежит миру зла и тьмы, и содержат негативную, данную с христианской позиции, оценку мировоззрения и деятельности нигилиста.

Бесовские знаки-символы, использованные в характерологии героя (недобрый, нехороший, злой, неистовый и т.д.), указывают на тип эмоциональности человека, одержимого злым духом. Характер нигилиста обусловлен его мировоззрением, в безверии героя – «гордость, сатанински воспрянувшая».

Для светлых героев произведений нигилист – «не наш», «ненавистник рода человеческого», «вражья сила», «недруг», «враг». В противопоставлении героя-нигилиста добрым (положительным и идеальным) героям также заключается указание на его принадлежность бесовскому миру. В образе нигилиста персонифицирована злая и тёмная сила. В совокупности бесовские знаки-символы способствуют обнаружению в образах нигилистов таких свойств мировосприятия, как неверие, безыдеальность, отрицание нравственно-эстетических ценностей.

Силам тьмы Лесков противопоставил в своем произведении героев, которые образуют царство света и добра. Нельзя не отметить, что писатель

стремится создать полноценные образы положительных героев, могущих противоборствовать злу. Он верит в конечное торжество высокого христианского идеала жизни, что и определяет такую черту его художественного мышления, как оптимизм. С образами «светлых» героев романа связаны важнейшие идеи христианско-этической концепции Лескова: идея нравственного совершенствования человека и идея жертвенного служения людям, добра и милосердия.

Образы «светлых» героев романа «ангелизированы» и идеализированы. Создавая их, Лесков своеобразно использует мотив двойничества: каждый положительный герой романа является «вариантом» какого-либо образа мировой культуры. Дон Кихот и вечный странник – майор Форов. Сестра милосердия – Катерина Форова. «Чудак ли, шут или ясновидящий» – Светозар Водопьянов. Святая праведница – Александра Синтянина (её образ создан Лесковым с использованием традиций житийной литературы).

В романе «На ножах» три праведницы. Число три в христианской традиции воспринимается как символ. Биография Александры Синтяниной излагается в её «Исповеди», что позволяет сделать вывод о связи этого образа с житийной литературой. Да и вся жизнь Синтяниной, как и жизнь Катерины Форовой, – это своеобразная жертва, самоотречение, смирение. Недаром автор в конце романа «награждает» героиню за её страдания. Близок к житийной литературе и мотив «юродства», который использует Лесков, изображая «умных дурочек», Паиньку и Катерину Форову.

Образам праведниц в романе противопоставлены образы трагических, «заблудившихся» натур (Лариса Висленева и Глафира Бодростина). Эти героини красивы внешне, но их красота ущербна, поскольку они нищи духовно, у них отсутствует вера в Бога и людей. Изображая сумятицу чувств и переживаний этих героинь, автор широко использует сны, символы, видения. Такие композиционные приемы как предварение и умолчание позволяют передать особую атмосферу загадочности, которая царит вокруг этих женщин. Аналогии с библейскими и литературными образами позволяют глубже понять

причины трагедии героинь. Отсутствие веры и духовности ведут Ларису к смерти, а Бодростину – к одиночеству. В связи с этими образами в романе возникает мотив бесовства, дьявольщины. Это символы зла, которым в христианской символике противостоят символы добра, покоя, красоты, света, семьи и т.д.

Лесковские «светлые» герои – люди веры, они «творяют жизнь» и исповедуют религию добрых дел. В этом состоянии души – красота мира лесковских героев. В этом для писателя – залог духовного прозрения и нравственного исцеления России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авсеенко В.Г. Практический нигилизм. *Русский Вестник*. 1873. № 7 (Т. 106). С. 389 – 427.
2. Бердяев Н.А. Русская идея : основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. Судьба России. Москва : Шевчук, 2000. 540 с.
3. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового Завета. Москва : ВСЕХ, 1990. 296 с. В тексте даны ссылки на название книги, главы, стиха.
4. Видуэцкая И.П. Николай Степанович Лесков. Москва : Знание, 1979. 64 с.
5. Видуэцкая И.П. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века. *Вопросы литературы*. 1981. № 2. С. 148 – 188.
6. Гебель В.А. Лесков. *История русской литературы* : в 9 т. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1956. Т. IX. Ч. 2. С. 120 – 153.
7. Гончарова О.М. «Новые люди» эпохи 1860-х : идеи – тексты – социопрактики : лекции по истории русской культуры. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. 139 с.
8. Горячкина М.С. Сатира Лескова. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. 232 с.
9. Дмитренко С. Художественное сознание Лескова : постигнутое и постигаемое. *Вопросы литературы*. 1985. № 11. С. 217 – 239.
10. Ивакина И.В. В поисках истины бытия : женские типы в русском романе 1860-х годов. Харьков : Издательство НУА, 2006. 116 с.
11. Каданер О.В. Антинігілістичний роман М.С. Лескова : автореф. дисс. ... канд. філол. наук : 10.01.02. Харків, 2004. 19 с.
12. Казакова Т. В. Жанровое своеобразие романов Н. С. Лескова 60-х – начала 70-х годов XIX столетия : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Харьков, 1996. 167 с.
13. Кондюрина А.А. Русский антинигилистический роман 60-70-х годов XIX в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Москва, 1991. 21 с.

14. Краус В. Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах : эссе / пер. с нем. А. Карельского, Е. Кацевой и Э. Венгеровой. Москва : Радуга, 1994. 256 с.
15. Куранда Е.Л. Повествовательная структура романа Н.С. Лескова «Некуда» в системе русского антинигилистического романа 1860-1870-х годов : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Псков, 2001. 18 с.
16. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова : по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Москва : Гослитиздат, 1954. 684 с.
17. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 6 т. Москва : АО «Экран», 1993. Т. 1: Некуда : роман. Москва : Экран, 1993. 718 с.
18. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 6 т. Москва : АО «Экран», 1993. Т. 2, кн. 1: На ножах : роман: (Ч. 1-4) [примеч. А. Ранчина]. 541 с.
19. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 6 т. Москва : АО «Экран», 1993. Т. 2, кн. 2: На ножах : роман: Ч. 5, 6 и эпилог; Русское общество в Париже: Очерки в письмах к редактору журнала [примеч. А. Ранчина]. 573 с.
20. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. Москва : Гос. издат. худ. лит., 1957. Т. 4: Соборяне: Хроника. 318 с.
21. Малиновский А.А. Н.С. Лесков о нигилизме и нигилистах (По роману «Некуда»). *Литература в школе*. 1996. № 1. С. 19 – 24.
22. Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы : курс лекций. Москва : Моск. ун-т., 2011. 152 с.
23. Незлобин А. (Дьяков А.) Нигилизм и литературное развитие. Одесса : Издание Е.П. Распопова, 1880. 90 с.
24. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты : опыт критической характеристики. Ленинград : Лениздат, 1972. 296 с.
25. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология русской интеллигенции. *Вехи. Интеллигенция в России : сборник статей 1909-1910 гг.* Москва : Молодая гвардия, 1991. С. 382 – 405.
26. Окулова-Микешина Т. «Время слов прошло – нужны подвиги». *Наши современники*. 1995. №2. С. 186 – 192.

27. Ольхова Л.Н. Трансформация модусов отрицания в русской культуре переходных эпох: монография. Москва : МГИМО-Университет, 2007. 304 с.
28. Плещунов Н.С. Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне». Баку : Азербайджанское госиздательство, 1963. 192 с.
29. Погребная В.Л. Художественное осмысление женского идеала в романе Н.С. Лескова «На ножах». *Вісник Запорізького державного університету: зб. наук. статей. Філологічні науки*. Запоріжжя : ЗДУ, 2001. № 1. С. 87 – 95.
30. Поддубная Р.Н. Становление концепции личности у Н.С. Лескова (разновидности и функции фантастического в романе «На ножах»). Р.Н. Поддубная *Современность классики*. Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. С. 419 – 447.
31. Проскурина Ю.М. Диалог с натуральной школой в прозе 1860-х годов : моногр. очерк. Екатеринбург : Словесник, 2004. 53 с.
32. Проскурина Ю.М. Жанровые разновидности антинигилистического романа 1860-х годов. *Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX века* : сборник научных трудов. Екатеринбург : УГПУ, 1994. 117 с.
33. Проскурина Ю.М. Русская художественная проза «пятидесятых годов» XIX века (развитие реализма в повествовательных жанрах) : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01. Свердловск, 1984. 355 с.
34. Пуле М. Нигилизм как патологическое явление русской жизни. Москва : В университетской типографии на Страстном бульваре, 1881. 53 с.
35. Пульхритудова Е.М. Достоевский и Лесков (К истории творческих взаимоотношений). *Достоевский и русские писатели*. Москва : Советский писатель, 1971. С. 87 – 138.
36. Пульхритудова Е.М. Н.С. Лесков – литературный критик *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1981. Т. 40, № 2. С. 109 – 118.
37. Румянцев А.Б. Николай Лесков и русская православная церковь. *Русская литература*. 1995. № 1. С. 212 – 214.

38. Селезнев Ю. Лесков и Достоевский. *В мире Лескова* : сб. статей. Москва : Советский писатель, 1983. С. 123 – 148.
39. Семёнов В. Николай Лесков. Время и книги. Москва : Современник, 1981. 303 с.
40. Сканлан Д. «Русская идея» Достоевского : Достоевский как мыслитель/ пер. с английского Д. Васильева и Н. Киреевой. Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. 256 с.
41. Старыгина Н.Н. Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции *Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр* : сборник научных трудов.. Петрозаводск : Издательство ПГУ, 1998. № 2. С. 203 – 221.
42. Старыгина Н.Н. Добро и красота в художественной структуре романа Н.С. Лескова «На ножах». *Тезисы докладов межвузовской научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Н.С. Лескова, 1-3 октября 1991*. Орел, 1991. С. 10 – 12.
43. Старыгина Н.Н. Евангельский фон в романе Н.С. Лескова «На ножах». *Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр* : сборник научных трудов. Петрозаводск : Издательство ПГУ, 1994. С. 222 – 230.
44. Старыгина Н.Н. Образ человека в русском полемическом романе 1860-х годов: (концептуальные основы и художественное воплощение). Москва; Йошкар-Ола : МГПИ, 1996. 176 с.
45. Старыгина Н.Н. Поэтика игры в романе Н.С. Лескова «На ножах». *Филологические науки*. 1996. № 3. С. 94 – 101.
46. Старыгина Н.Н. Роман Н. С. Лескова «На ножах» : человек и его ценностный мир. Москва : Прометей, 1995. 114 с.
47. Старыгина Н.Н. Русский полемический роман 1860-1870-х годов: концепция человека, эволюция, поэтика : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01. Москва, 1997. 483 с.

48. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870 годов. Москва : Языки славян. культуры, 2003. 352 с.
49. Старыгина Н.Н., Шенцева М.И. Идеальное и идеализация в романе Н.С.Лескова «На ножах» (некоторые аспекты проблемы). *Творчество Н.С.Лескова в контексте русской и мировой литературы* : материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 100-летию со дня смерти писателя, 5-7 сентября 1995. Орел, 1995. С. 24 – 25.
50. Столярова И.В. Роман-хроника Лескова *История русского романа в 2 ч.* Москва ; Ленинград : Наука, 1964. Ч. 2. С. 416 – 438.
51. Столярова И.В. В поисках идеала (творчество Н. С. Лескова). Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1978. 231 с.
52. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. Санкт-Петербург : типограф. брат. Пантелеевых, 1890. 609 с.
53. Суходольский Ю.С. Роман Н.С. Лескова "На ножах": генезис, поэтика, место в творчестве писателя: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Москва, 2004. 244 с.
54. Гарнопольская Е.А. Женские библейские имена в истории русской лексикографии : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Москва, 2002. 172 с.
55. Терёхин В. Забытый уклон. *Литературная учёба*. 1995. № 1. С. 94 – 111.
56. Троицкий В.Ю. Духовный и зримый идеал женщины у Лескова. *Литература в школе*. 1991. №2. С. 8 – 13.
57. Троицкий В.Ю. Лесков-художник. Москва : Наука, 1974. 216 с.
58. Фаресов А.И. Из воспоминаний о Н.С. Лескове. *Свободным художествам*. 1910. №1. С. 26 – 29.
59. Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков : его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. Санкт-Петербург : Типография М. Меркушева, 1904. 411 с.
60. Франк С.Л. Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции). *Франк С.Л. Сочинения*. Москва, 1990. С. 77-112.

61. Цветкова Е.В. «Женский вопрос» в публицистике и художественном творчестве Н. С. Лескова. *Филологические этюды*. Саратов, 2001. № 4. С. 77 – 80.
62. Чередниченко Л.В. Проблема нигилизма в русской литературе начала 70-х годов XIX века : Н.С. Лесков «На ножах», Ф.М. Достоевский «Бесы» : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Москва, 1996. 24 с.
63. Шинков М.А. «Бесы» Ф.М. Достоевского и русский антинигилистический роман 60-70-х годов XIX века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Орёл : ОГУ, 1998. 16 с.
64. Шоломова Т.В. Эстетика русского нигилизма (1860-1880 годы) : дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.04. Санкт-Петербург, 1999. 173 с.

**Декларація
академічної доброчесності
здобувача ступеня вищої освіти ЗНУ**

Я, Климашевська Аліна Денисівна, студентка магістратури, форми навчання *денної*, факультету *філологічного спеціальності 035 "Філологія" спеціалізації "Слов'янські мови та літератури (переклад включно)"* освітньої програми *"Російська мова і зарубіжна література. Друга мова"*, адреса електронної пошти *alina.klimashevskaya@gmail.com*

- підтверджую, що написана мною кваліфікаційна робота на тему *«Біблійні мотиви і образи в романах М. Лєскова «Нікуди», «На ножжах»*

відповідає вимогам академічної доброчесності та не містить порушень, що визначені у ст. 42 Закону України «Про освіту», зі змістом яких ознайомлений/ознайомлена;

- заявляю, що надана мною для перевірки електронна версія роботи є ідентичною її друкованій версії;

- згоден/згодна на перевірку моєї роботи на відповідність критеріям академічної доброчесності у будь-який спосіб, у тому числі за допомогою інтернет-системи а також на архівування моєї роботи в базі даних цієї системи.

Дата _____ Підпис _____ ПІБ (студент) Климашевська А.Д
Дата _____ Підпис _____ ПІБ (науковий керівник) Погребна В.Л.